

Мой любимый детектив

Елена Арсеньева

Разбитое
сердце июля

Елена Арсеньева
Разбитое сердце июля
Серия «Писательница
Алена Дмитриева»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161495
Арсеньева Е. А. Разбитое сердце июля: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-15840-5

Аннотация

В этот раз писательница детективов Алена Дмитриева реально «попала» – скоро сдавать новый роман в издательство, а еще не написано ни строчки! Даже сюжета еще нет! Однако отчаиваться Алена не стала: ведь умение оказываться в нужном месте в нужное время не подводило ее никогда. Так произошло и на этот раз, когда детективщица приехала в пансионат «Юбилейный». Сплошной криминал: в бассейне найден утопленник, после банкета обнаружен труп девушки, люди, больше похожие на призраки, штурмуют апартаменты Алены... Что делать? Заняться расследованием или по свежим следам писать роман обо всем этом? Как истинный профессионал, Дмитриева принимается за оба дела сразу...

Содержание

Из дневника убийцы	29
Из дневника убийцы	47
Из дневника убийцы	63
Из дневника убийцы	85
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Елена Арсеньева

Разбитое сердце июля

Вечер. Взморье. Вздохи ветра.

Величавый возглас волн.

Близко буря. В берег бьется

Чуждый чарам черный челн...

К. Бальмонт

Среди долины ровныя, на гладкой высоте, во поле березонька стояла, во поле кудрявая стояла. Пейзаж был обворожителен, чистая русская классика: под голубыми небесами великолепными коврами, блестя на солнце, расстилалась зеленая травушка-муравушка, а на той ли травушке-муравушке стояла упомянутая белая березонька. На благостное полотно так и просились стада коровушек и табуны лошадушек. Впрочем, нет, чтобы не перегружать пейзаж, здесь уместнее смотрелись бы не стада, не табуны, а две-три буренки и одна-другая сивка-бурка, однако картина ничем не оживлялась. Человеческая фигура, которая просматривалась под деревом, в счет идти не могла – уж очень была неподвижна. Издалека казалось, будто это вообще какое-то бревно, по чьей-то нелепой причуде подвешенное на березовый сук.

Ну да, в том-то и дело, что человек не стоял, не сидел, не лежал под березой, а висел на толстой, крепкой, напо-

ловину обломанной ветке. Разумеется, ошибся бы тот, кто подумал бы, будто человек этот удерживался на ветке с помощью рук, собственными усилиями. Ему «помогала» веревка на шее: самая обычная бельевая белая веревка. Толстый узел на затылке, разлетающиеся под легким ветерком полуседые волосы, нелепо поникшая голова, безвольно свесившиеся руки, мятая рубашка на окаменелом теле, мятые джинсы на ногах, которые казались чрезмерно длинными, нелепо свесившимися носками внутрь... Слишком большое расстояние от кроссовок до земли начисто исключало бредовую мысль о том, что человек мог сам подпрыгнуть и сунуть голову в петлю. Для этого он должен был подставить себе под ноги что-нибудь довольно высокое, с метр высотой, а то и больше, что-нибудь вроде строительной стойки-стремянки, к примеру, потом оттолкнуться от нее так, чтобы его ноги лишились опоры, а она свалилась бы наземь; однако ничего подобного такой стойке или любой другой подставке на обозримом пространстве не валялось, не лежало, не наличествовало, короче говоря. Просто – чистое поле, просто – тишина, ветер, безлюдье, ослепительное солнце, равнодушное голубое небо, просто – мертвое мужское тело. Просто – белый березовый ствол, исчерканный, как это и полагается, какими-то, не побоимся этого слова, рунами: буквами, неуклюжими рисунками вроде пронзенного стрелой сердца, или могильного креста, или чего-то невразумительного, или всем знакомым адресом из трех букв, или заявлениями типа:

«А вот хрен тебе!», «Получи, фашист, гранату!», «Не забудь нашу любовь!», или именами каких-то канувших в неизвестность людей: какого-то Кольки, Толика да Юрки. Еще пес по кличке Бобик сюда зачем-то затесался, ну и вездесущий Вася, конечно, как же без него!

Но не было ничего, что могло бы указать на причину, по которой человек в мятой белой рубашке и синих джинсах остался висеть на одинокой березе в центре благостного среднерусского пейзажа.

Не было ничего? Как бы не так! На самом-то деле было! И указаний этих имелось вполне достаточно, чтобы рано или поздно кто-нибудь догадался о том, что здесь в действительности произошло.

* * *

Зачем, зачем она сюда приехала? Как могла совершить такую глупость? Где была ее несчастная голова?!

Алена тупо смотрела на экран ноутбука. Уже не меньше часа, как она вернулась в свой номер, заперлась и села за стол с твердым намерением поработать, но только и могла выжать из себя, что эти три строки. В первой стояла ее фамилия – *Алена ДМИТРИЕВА*. Во второй – заглавие будущей нетленки: *Игрушка для красавиц*. Третья обозначала жанр оной нетленки – *роман*.

И все. И дальше ни строки, ни слова, ни буквы, ни даже знака препинания.

Дело было вовсе не в отсутствии вдохновения или, скажем, материала для нового романа. Материала как раз имелось невероятное количество, причем в основном из собственной жизни. Вернее, из жизни собственного вдребезги разбитого сердца.

И не потому не писалось, что Алене вдруг расхотелось собирать его осколки. Просто ей стало страшно. Невыносимо страшно – одной в уединенном коттедже, стоявшем на самой окраине пансионата, чуть ли уже не в лесу. Конечно, это был «прирученный» лес, отсеченный от дикого массива оградой, никаких диких зверей здесь днем с огнем не найдешь, кроме белок и ежей, но вовсе не зверей боялась сейчас Алена, причем боялась до дрожи.

А кого? Страшных лихих разбойников? Да нет, едва ли. Боялась она чего-то невыразимого, безымянного, неопишуемого, того, что гнезилось в глубинах воображения человека насквозь городского, любившего природу, как можно любить красивый пейзаж в багетовой рамке, висящий над кроватью, отвыкшего от таинственных лесных шумов, шуршаний, шелестов, способного заснуть под грохот компрессора, но маяться тревожной бессонницей, если дождь будет стучать в стекло, а деревья – скрипеть сучьями над крышей.

Воспоминания о несчастном, который, очень может быть, испустил дух вот здесь, в этом номере, на этой кровати, где

она должна будет спать ночью, немало тревожили ее воображение. И чуть ли не больше тревожили те шорохи и шелесты, те шумы и странные звуки, которые доносились до нее из ночного леса. Один Господь Бог знает, что там шуршит сейчас около крыльца и не ворвется ли оно, это неведомое нечто, в коттедж, почуяв в нем запах человека...

Показалось или впрямь раздались вдруг чьи-то шаги на дорожке?

Кто это? Возвращается загулявший сосед? Или тот молодой синеглазый красавчик Вадим, который так старательно кадрил ее нынче в столовке, решил напомнить о себе? Или...

Громко, дробно застучало по крыше, и Алена даже за горло схватилась, чтобы подавить вопль ужаса. Умом человека, привыкшего мыслить логически (все-таки писание детективов, коим она зарабатывала себе на жизнь, требует развития логического мышления!), она понимала, что вовсе не призрак покойника мечется вокруг коттеджа, пытаясь зачем-то – зачем?! – проникнуть в свой бывший номер, а просто ветер, обыкновенный ветер, усилившийся к ночи, как это и водится у ветров, перебирает ветви развесистого дуба, усыпанные мелкими зелеными желудями, и именно они, срываясь с дерева градом, так громко, так гулко, так пугающе стучат по импортной черепичной кровле. Умом она понимала это... но сердце не слушалось доводов ума.

Включить разве что телевизор? Нет, нельзя. Тогда не услышишь, как отодвинется вдруг шторка на окне и оттуда

бесшумно, вкрадчиво...

Что?! Ну, что ты на себя нагоняешь?!

Ничего. Но Алена вдруг протянула руку и выключила настольную лампу. Хватит демонстрировать всем *этим*, которые шуршат, шелестят, бродят там, под окнами, свой сжавшийся от страха силуэт!

Экран компьютера засветился в полной темноте особенно ярко. В его свете было нечто укоряющее, но Алена уже не могла справиться с собой. Нет, здесь работать невозможно. Конец, конец дурацким планам, утром она уедет из пансионата. Как только рассветет – домой! Конечно, ее квартира тоже полна призраков, но там призраки любовные, а не...

Господи, спаси и помилуй, кто это торопливо и почти бесшумно, словно на цыпочках, пробежал под окном?! Кто проскрипел по стеклу? Чем? Ногтями?!

Говорят, у мертвецов растут волосы и ногти. Трупы разлагаются, а волосы и ногти растут, и можно представить, *как* скрипят стекла под такими ногтями.

Совершенно так же, как только что и проскрипело твое!

Ей почудился шепот? Или... или не почудился?!

С коротким вскриком Алена вылетела из комнаты, даже не выключив ноутбук. Захлопнула за собой дверь, ударила по выключателю в коридорчике и замерла, трясущаяся, оглядывая ярко освещенные равнодушные белые стены.

Господи, зачем она сюда приехала?!

Ну, понятно, зачем. Работой и уединением лечить сердеч-

ные раны.

Ох уж эти ее сердечные раны!

Муж всегда узнает последним. Жена всегда узнает последней. Таков закон измены.

Любовница в этом смысле мало чем отличается от жены. Точнее сказать, не отличается ничем.

– Жанна, – бормочет Алена, и губы ее дрожат, – вы же говорили... вы же сами мне говорили, что точно знаете: Игорь ни с кем не встречается, кроме меня!

– Я отлично помню, что я всегда говорила: вы его идеализируете, – пожимает плечами Жанна. – Вы влюблены в образ, который сами выдумали. В героя своего романа в полном смысле этого слова. И я предупреждала, что ни к чему хорошему это не приведет. Вы разобьете себе сердце, только и всего. Но разве вы кого-нибудь слушаете? – И она снова пожимает плечами.

Разговор, вообще-то, происходит по телефону, однако Алена настолько хорошо знает свою подругу, вернее, приятельницу, что может быть уверена в каждом ее движении. Жанна любит пожимать плечами и отводить глаза – как в прямом, так и в переносном смысле. Все эти разговоры насчет «я вас предупреждала» – именно попытка отвести глаза, увести разговор в сторону от совершенно конкретного вопроса Алены: было у Игоря что-нибудь с малолеткой Кристиной или нет?

У Кристины нос, который в просторечии именуется румпелем и который сделал бы честь любому разбойнику кавказской национальности, плечи, как у борца, море золотистых кудряшек, широченная сверкающая улыбка (количество белоснежных зубов просто превышает допустимое), зеленые, наивно расширенные глаза, всегда загорелая кожа (мама – владелица огромного солярия), ножки длиной сантиметров сорок и бездна животного обаяния. «Трахни меня, ну, я тебя умоляю!» – так и написано на этом нелепом личике, так и светится в лукавых глазках. При столь откровенном призыве, обращенном ни к кому конкретно и в то же время ко всему мужскому человечеству, какой самец не содрогнется хотя бы на миг? Содрогнется, но тут же и спохватится: больно уж молода девочка, еще и восемнадцати нет, да и, между нами говоря, шибко страшноватенькая, в постель ее, конечно, уложить можно, однако потом придется там и держать до следующего употребления, не позволяя ей и носа оттуда высунуть, потому что с такой подружкой не покажешься ни в пир, ни в мир, ни в добрые люди – засмеют. И все же вспышка мгновенного желания имеет место быть, имеет... а ну как чье-нибудь сердце от этой вспышки займется полымем? Сердце Игоря, к примеру. Его ведь хлебом не корми – дай ощутить любовь, хоть чью-нибудь любовь, на него, несравненного, направленную! А у Кристины такого добра с избытком. Нет, это не жертвенная, почти молитвенная страсть, как у Алены, – на такое Кристина по недомыслию, эгоизму и младо-

сти лет (вот, вот где собачка-то зарыта, вот главное отрицательное Кристинино свойство!) не способна. Но не в этой ли неспособности жертвовать собой ее сила? Не осточертело ли двадцатипяти... ах нет, уже двадцатишестилетнему красавцу (ну, совсем большой мальчик стал! Когда только успел?!) тяжелое, чрезмерно пылкое, столь много от него требующее (взаимности как минимум!) обожание не самой (увы!) красивой, не самой (увы и ах!) молодой, не самой (трижды увы и ах!) богатой, не самой знаменитой (да что слава?! Яркая, как известно, заплата... но ведь это в понимании людей умных, а маленькие глупенькие мотылочки любят яркие цветочки!) дамы-писательницы, обремененной вдобавок ко всему переизбытком комплексов, которые влачатся за ней, как фурии и эринии влачили некогда за бедолагой Орестом, и не покидают ее даже в постели, в которой, как известно, третий лишний.

По мнению же Игоря, его женщина должна принадлежать в минуту любви только ему, ему одному, а не какому-то там прошлому, настоящему, будущему и даже не самой себе, творческой личности. Алена ему принадлежит, ох, принадлежит, еще как принадлежит, но все чаще ощущает, что предлагает своему ненаглядному слишком много, избыточно много, Игорю столько любви не осилить, не перенести, не справиться с ней, ибо никто не обнимет необъятного, тем паче он, такой еще молодой, такой глупый, такой красивый, такой бесконечно, бесконечно любимый...

Так вот насчет третьего лишнего: откуда это непреходящее ощущение, будто (даже в самые чудесные минуты) между Аленой и Игорем кто-то лежит, словно меч Тристана между этим злополучным любовником и его не менее злополучной Изольдой? Меч, правда, предмет неодушевленный, не «кто», а «что», но сути дела это никак не меняет. Третий лишний имеет-таки место быть, а какую материальную форму он принимает, сие уже не столь важно...

Неужели не важно? Так отчего тогда самой терзаться и терзать Жанну?

– О Господи, Алена, ну чего вы от меня хотите? – раздраженно говорит в это мгновение истерзанная Жанна. – Спросите сами у Игоря насчет Кристины!

– Да я уже спросила... – уныло изрекает та и немедленно прикусывает глупенький свой язычок. Однако поздно, господа, слово, сами знаете, не воробей, оно уже – фр-р-р, оно уже невесть где!

– Спросили?! – тарачит Жанна зеленоватые глаза (на самом деле это линзы у Жанны зеленоватые, а глаза-то просто серые, без всяких привходящих оттенков, светло-серые, холодные глаза). – Нет, серьезно?! Ну вы, девушка, даете... И что он ответил? Нет, погодите, я попробую угадать. Вы, значит, приступили с ножом к горлу, а он этак поднял одну свою соболиную бровь и с самодовольным проблеском в очах обронил: «Я совершенно не понимаю, о чем ты говоришь!» Вы спросили снова, вы уже завелись, а он поднял другую бровь:

«Я ничего не буду объяснять!» Тогда вы сказали, что для вас это жизненно, нет, смертельно важно, и что если это так, он вас больше никогда не увидит, меж вами все кончено, прошла любовь, завяли помидоры, а он только глянул исподлобья: мол, знаем мы эти ваши страшилки... Ну что, я угадала?

Алена уныло кивает. Ее кивка Жанна увидеть, конечно, не может, но молчание, как всем известно, знак согласия. Молчание некоторым образом потрясенное: Жанна угадала в точности, в деталях, как если бы она незримо присутствовала (третья лишняя, ха-ха!) при том дурацком, ненужном, недопустимом выяснении отношений Алены с идолом ее сердца.

Вот уж правда – идол! Идолище, как сказано в русских народных сказках с прибавлением неперемного эпитета «поганое»... Хотя в данном конкретном случае эпитет пока еще другой – «обожаемое», но ведь от любви до ненависти известно сколько шагов.

– Алло, Алена, вы где? – спрашивает между тем Жанна, обеспокоенная чрезмерно затянувшимся «знаком согласия».

– Да здесь я, здесь, куда мне деться? – подает голос страдающая влюбленная. – Я просто думаю, что вы и в самом деле хорошо знаете Игоря.

– Конечно, – горделиво заявляет Жанна. – Хорошо и давно – с одиннадцати лет. По сути, вся его взрослая жизнь прошла у меня на глазах, я его насквозь вижу, со всеми его

достоинствами и недостатками. А вот вы... Вы от любви к нему совершенно ослепли. Игорь – воплощенное притворство! Это прирожденный лжец, актер до мозга костей! Он выйдет из комнаты, в которой спал с женщиной, а вам скажет: у меня с ней ничего не было, у меня вообще ни с кем и никогда ничего не было, я вообще еще невинен! И вы ему поверите.

Ого!

Вернее, ого-го...

Слов нет, из всех очков в мире Алена Дмитриева всегда предпочитала розовые. Но уж когда они падали с ее курносого носика, то разбивались исключительно вдребезги.

Вот так же, как разбились сейчас.

* * *

«Ласточка моя черноголовка, здравствуй и прощай! Это мое последнее письмо к тебе. Раз ты его получила, то уже знаешь, что я сделал. Невыносимо жаль мне тебя огорчать, да приходится. Деваться некуда, так складываются обстоятельства, что я вынужден это сделать. Если бы мог найти другой выход – нашел бы и никогда не совершил бы того, что совершил вынужден. Уж ты мне поверь, любимая моя, ни за что, ни за какие блага не бросил бы я тебя и ребят, если бы не одолели меня вконец мои проблемы, от которых вижу только один способ спастись: бежать туда,

откуда мне уже не вернуться никогда.

Устал я, устал... мечтаю отдохнуть от всего, от всех, даже от жизни!

Но разве мог я в юности своей розовой подумать, что захочу отдохнуть не на югах каких-нибудь, а в той самой юдоли печали, о которой раньше только в книжках читал?

Ладно, что это я разнудился, как в той поговорке: коли сам не виноват, так других виновать, родных и троюродных! Но я-то сам во всем виноват.

Прости, что не исполнил своего обещания, не сделал тебя счастливой, богатой, как мечталось. До тебя, сама знаешь, с женщинами мне не везло, ты всех заменила, все исправила. Очень я хотел разбогатеть, чтобы тебя отблагодарить, вот на этом и сломался. Не перестаю думать о тебе и всем сердцем клясть себя за то, что заигрался в такие игры. Чего только бы я для тебя и для детей не сделал, жизни бы не пожалел! Ты себя береги... ведь ты о моих делах ничего не знаешь, я тебе даже денег никаких не оставил, моим страхом заработанных. Ребячишкам тоже не оставил, хотя тоже очень хотел их обеспечить... Ладно, они уже люди вполне взрослые, понятливые, но главное, чтобы меня не забывали. Не будет им покоя, если забудут меня!

Ну, время торопит. Пора заканчивать мою прощальную писанину, хотя, если бы воля моя на то была, я бы и письма этого писать не стал и не сделал бы над собой то, что сделать собираюсь. Выпью сейчас побольше, чтоб голова зату-

манилась, да и...

Прощай, Ласточка моя черноголовая, любимая, ненаглядная, счастье мое. Не забывай меня, самое горькое сейчас – это подумать, что ты меня с другим забудешь... Ведь никто тебя так любить не будет, как я любил, и ты, верю, никого уже так не полюбишь, как меня любила. Ну, теперь уж совсем прощай! Мне пора уходить. Твой до гроба, как и обещал...»

* * *

Откуда Жанна знает, с каким видом Игорь выходит из комнаты, в которой он «спал с женщиной»? Что значили эти слова? Просто фигуральное выражение, художественный образ или роковым образом вылетевшая обмолвка? Отчего так разболелось Аленино сердце, словно в него ткнули острой и длинной иглой? Неужели все подозрения Алены насчет отношений Игоря с его, с позволения сказать, наставницей, все эти подозрения, которые Алену всегда исподволь мучили, не давая полностью раскрыться перед Жанной, вполне ей довериться, – неужели они истинны? И ровно год тому назад, когда начался бурный роман Алены и Игоря, Жанна просто на время посторонилась, чтобы дать своему юному любовнику потешиться на свободе (умная женщина понимает, что мужчине время от времени надобно гульнуть налево, и уж лучше она сама ослабит шелковый поводок, чем он натянет его

до предела, рискуя сорваться, а то и срываясь с привязи), а теперь, то ли соскучившись по его жаркому телу, то ли приревновав к затянувшемуся роману с обезумевшей писательницей, вернулась к нему – точнее сказать, вернула его себе?

А может быть, Жанна и Игорь вовсе и не расставались? Может быть, все это время он ловко, энергично и умело (Господи, в его-то юные годы на всех сил хватит!) обслуживал обеих прекрасных дам постбальзаковского возраста? Но если от Алены Игорь все держал в секрете («Я совершенно не понимаю, о чем ты говоришь! Я ничего не буду объяснять!»), то с Жанной, быть может, обсуждал, какова та, другая, глупышка романтическая, доверчивая, ошалевшая от любви...

Ох, нет, даже думать об этом невыносимо!

Жара, пыль, июль, разбитое сердце. Жить неохота, но надо, потому что надо работать.

Надо срочно сдавать книжку. Новый детектив. Надо. Этого требует план издательства «Глобус», а главное – ненасытный, вечно голодный кошелек Алены Дмитриевой. В городе, в своей квартире, где постель, чудится, хранит запахи двух страстно слившихся тел, где бокалы тонко, хрустально звенят: «За тебя, мой любимый!» – «Нет, за нас!», где изо всех углов звучит эхо обожаемого голоса, из всех зеркал смотрят бесподобные черные глаза этого Нарцисса, где в шкафу валяется его футболка, в ванной стоит флакон с его любимым, но нелюбимым Аленой «Фаренгейтом», а в ящичке туалет-

ного столика валяются пачки с его презервативами (в начале их романа Игорь осторожничал, а потом, узнав, насколько нравится его подруге то, что называется лукавым словечком «фелляция», начал лениться надевать эти дурацкие штучки, беречься перестал, тем паче что понял: Деве с ее поистине кошачьей чистоплотностью вполне можно доверять даже в наше опасное и чреватое всякими неприятными неожиданностями время), в этой, стало быть, квартире, где морозилка холодильника забита креветками, ящик для овощей – авокадо, а бар – джином «Сапфир» (любимые лакомства любимого!), в этой квартире, где все – Игорь, Игорь, Игорь... о Господи, Игорь!.. – Алена не может пока ни жить, ни тем более писать. Поэтому она и сидит сейчас, мрачная, несчастная, забившаяся в угол сиденья, с ненавистью глядит в окно на всякие там березки-сосенки, мимо которых пролетает автобус сообщением Нижний – Работки, и высматривает придорожный указатель, на котором должно быть написано: «Река Шава». Как только указатель мелькнет, ей надо попросить водителя остановить автобус, подхватить вещички и выйти на обочину, пройти по ней метров тридцать, свернуть направо и еще через сотню метров оказаться в пансионате «Юбилейный», куда она отправила сама себя не дурить, не сходить с ума, не умирать от боли и ревности, а лечить разбитое сердце и работать.

«Арбайтен», как любит говорить Жанна.

Черт бы ее подрал!

Откуда Жанне знать, с каким выражением Игорь выходит из комнаты, в которой он... Ах, ну опять про то же... Кто про что, а курица про просо... От верблюда, от верблюда ей знать! То есть вопрос вполне достоин глупого верблюда, вернее, верблюдицы, которой и является писательница Алена Дмитриева!

Она тихо взывала от душевной боли, прижала руки к сердцу, рванулась, пытаясь скрыть нахлынувшие слезы, но они вдруг полились, как пишут в дамских романах, потоком, и Алена так резко отвернулась к окну, что стукнулась лбом в стекло. Боль несколько прояснила сознание, Алена уставилась в окно, с ненавистью обзревая окрестности, которые почему-то перестали проноситься мимо, а замедлили ход и даже вовсе остановились.

А, понятно. Это не окрестности остановились, это автобус притормозил на остановке под названием «Сады Кудьмы». Какие-то тетки-дядьки с ведрами и кошелками начали медлительно выгружаться. Пора, между прочим, и Алене шевелиться. Вроде бы совсем скоро за этими садами Кудьмы (Кудьма – это река такая) должен появиться мост через другую реку – по имени Шава.

И тут взгляд ее словно прилип к стеклу. На обочине стоял... О Господи, показалось, что Игорь! Да нет, никакой это не Игорь и даже не призрак его, созданный Алениным буйным, измученным воображением, а просто парень, не слишком-то даже на него похожий: повыше, похудее, не такой кра-

савец, светловолосый к тому же, так что единственное сходство между ними – футболка, серая футболка с большими разноцветными буквами Paris и изображением Эйфелевой башни на груди. Точно такую же футболку Алена еще в прошлом году привезла Игорю из Парижа – в числе других многочисленных модненьких «кофточек», в которые она обожала наряжать своего возлюбленного, как девочка – любимого пупсика. Строго говоря, кем еще Игорь и был, как не пупсиком, с которым Алена играла, играла, а потом выяснилось, что это он с ней играет, а не она с ним. Поиграл – да и... Поматросил и бросил.

А интересно, парень, который торчит сейчас на обочине, сам купил свою футболку в Париже или ему привезла ее такая же влюбленная дурочка, как Алена? Нет, наверняка не такая же – другой такой не сыщешь. Наверняка его девушка поумней, порасчетливей, похолодней, поосторожней, поразумней и... помоложе. Кстати, не она ли идет к парню по обочине, внимательно глядя себе под ноги и изредка наклоняясь? Наверное, что-то потеряли или случайно выбросили из окна вон той довольно побитой, боевой, заслуженной «копейки», которая небрежно, боком пристроена на обочине.

Ладно, Алене-то что до них? Они свое потерянное, очень может быть, найдут, вернут себе, а вот она... У нее мало шансов, практически нет совсем, найти любовь Игоря – вернуть его, оторвать от Жанны так же реально, как заглянуть во вчерашний день и умудриться кое-что в нем исправить.

И мысли о прошлом, которое объединяло Жанну и Игоря – а может быть, и до сих пор их объединяет, – снова и снова принялись мучить и терзать до головной боли, словно были не мыслями, а клубком ядовитых змей, которые каким-то образом попали в Аленину голову и расплодились там.

Окрестности сдвинулись с места, автобус снова тронулся, и Алена, прикусывая губу, чтобы удержать слезы (какой, между прочим, дурак это выдумал, что, прикусив губу, можно удержаться от слез... наоборот, больно же до ужаса, еще сильнее плакать хочется от жалости к себе, мазохистке несчастной), потащила к двери свою сумку на колесиках, придерживая висящий через плечо футляр с ноутбуком. Пора и ей готовиться, как принято выражаться, на выход...

А вот и указатель «Река Шава», вот мост с символической полоской воды под ним (хотя, говорят, эта самая Шава очень коварна, в половодье чудом опоры не сносит... совсем как чувства ревнивой женщины!), вот и обочина, на которую неуклюже вываливается Алена вместе со всем своим барахлишком, вот и небольшой взгорок, вот и другой указатель: «Пансионат „Юбилейный“». И наконец сам пансионат: несколько миленьких маленьких коттеджиков, затерявшихся в березово-сосновых рощицах, скромненькое здание администрации, холл со стойкой «Ресепшн», а за ней администратор-регистратор – пышная дама в свекольном румянце и с безумным начесом, при виде которого немедленно вспоминаются советские гостиницы с их непременно

«Мест нет!». Но уж нетушки, дудки, теперь-то с местами проблем не может быть, особенно в таких дороженных пансионатах, как «Юбилейный», принадлежащий богатому концерну «Зюйд-вест-нефтепродукт»: одноместный люкс заказан через солидную турфирму, полностью оплачен, никто и ничто не помешает Алене полностью сосредоточиться на работе, написать новый детектив, в котором она и выплывет, и выместит все свои обиды на неверную подругу и неверного любовника, и, очень может быть, сконструирует нового героя романа, пусть и не столь сногшибательно-обворожительного, как Игорь, но зато куда более подходящего для героини, а главное – влюбленного в нее с тем же ошалелым самозабвением, с каким она сама еще недавно была влюблена в некоего обладателя черных глаз – черных солнц и черных туманов, захлебывающиеся описания которых, наверное, уже несколько поприелись читателям-почитателям романов Алены Дмитриевой. Респектабельно-унылая атмосфера «Юбилейного» и люкса, уединенного в коттедже, очень даже подходит для работы и одновременного врачевания разбитого сердца...

Что? Что такое лепечет дама с начесом, сидящая за столом администратора? И почему у нее такой виноватый вид, что даже свекольный румянец несколько поблек?

– Вы уж нас извините, госпожа Ярушкина... Это только на пару деньков, не больше! Такая неприятная накладка... Мы прекрасно понимаем, что вам будет неудобно, что вы уже за-

платили вперед, но мы произведем перерасчет, деньги будут вам возвращены... А та женщина, с которой вас поселят во втором корпусе, в шестой комнате, она очень милая, интеллигентная, вы с ней прекрасно уживетесь, она тоже через ту же турфирму поселилась, что и вы, через «Экскурс»...

Какая еще милая, интеллигентная женщина?! С кем и почему госпожа Ярушкина (ибо такова настоящая фамилия нашей героини, и зовут ее, вообще говоря, Елена, а Алена Дмитриева – всего лишь псевдоним) должна уживаться в своем одноместном люксе?!

Не без усилий писательница пытается вникнуть в суть проблемы.

Ах, вот оно что... Неприятная накладка – а что, накладки разве бывают приятные?! – заключается в том, что одноместный люкс, куда так стремилась Алена Дмитриева, занят. Должен был освободиться, однако почему-то не освободился. Кто-то что-то перепутал, срок проживания одного отдыхающего «наехал» на срок другого. Поэтому Алене Дмитриевой придется перекантоваться – «пару деньков, пару деньков, не больше!» – в двухместном номере вместе с какой-то там интеллигентной дамой.

Очень может быть, что дама просто суперинтеллигентная. Да хоть бы она была синявка с Московского вокзала, велика ли разница?! Елена Ярушкина, миролюбивая, покладистая особа, ужилась бы с кем угодно, это факт, однако ее alter ego Алена Дмитриева – категорически нет! Невозмож-

но работать, не разгибая спины, писать с утра до вечера, пугая день с ночью, ведя сомнамбулическо-мизантропический образ жизни (а именно так и пишет свои романчики Алена Дмитриева) и обитая при этом в компании какой-то дамы, будучи вынужденной непрестанно общаться с ней, делать вежливые улыбки, слушать тот бред, который умеют нести только женщины (за что и нелюбимы они нашей писательницей... а впрочем, мужчины тоже хороши, надо сказать!), прорываться к компьютеру лишь украдкой, в свободную минутку, когда сожительницы (пардон, конечно!) нет в номере... Черт, эти пару деньков можно считать вычеркнутыми из жизни, из работы! Ни строки не напишет Алена, это точно, она вообще въезжает в роман очень долго и трудно, выжимая первые строки по словам, по буквам, можно сказать. Потом, конечно, уже не ведает удержу, но сначала-то... Получается, эти «пару деньков» в двухместном номере уйдут у нее псу под хвост, а потом, когда ее все же переселят в вожделенный люкс, еще какое-то время уйдет на новую раскачку... А времени-то у нее совершенно нет! И сил быть вежливой, соблюдать «правила человеческого общежития» тоже нет. Ну просто ни одной силиночки! К тому же «пара деньков» – слишком растяжимое понятие. Слишком уж неопределенное. Можно ведь было сказать конкретно – через два дня, такого-то июля, вы переедете в свой законный люкс. Но нет... Может быть, конечно, у дамы с начесом такая уклончивая манера выражаться. Однако, вероятнее всего,

пара деньков растянутся до беспредельных размеров. Ведь в люксе (три с половиной тысячи в сутки) кто попало не поселится. Наверняка там живет какой-нибудь начальник из той нефтеторговой фирмы, которой принадлежит «Юбилейный», из «Зюйд-вест-нефтепродукта». Наверное, решил восстановиться после чересчур напряженной распродажи природных ресурсов нашей необъятной Родины. Почему он для этого восстановления не поехал в более солнечные и отдаленные места, вопрос второй. Алена Дмитриева тоже ведь не поехала ни в Турцию (там по отелям гастролирует танцевальное шоу Жанны с Игорем-солистом, еще не хватало снова вонзить этот отравленный клинок в свое израненное сердце!), ни в какие-то другие курортные местечки, потому что ей нужно работать – арбайтен, арбайтен и арбайтен! – а не отдыхать. Ну, и этот начальник тоже, наверное, «арбайтен» день и ночь, размышляя, куда, кому и почему продать еще, еще и еще русского «черного золота», которое как бы принадлежит всему русскому народу....

Да Бог с ними со всеми, с начальником, народом и «черным золотом», – но что Алене-то делать? Алене делать-то что? Домой, в родные пенаты? Ох, нет, нет, нет...

– Погодите! – вдруг осеняет Алену. – Я видела в «Экскурсе» проспект вашего пансионата. И отлично помню, как описывался коттедж с люксами. Ну, конечно! Там ведь два люкса! Два одноместных люкса! Неужели второй тоже занят?

Неизвестно, как сложилась бы дальнейшая судьба писа-

тельницы, если бы свекольная дама, не моргнув глазом, сказала – да, занят! Она могла бы даже промолчать, просто кивнуть – и тогда многое, очень многое в жизни Алёны Дмитриевой и в жизнях других людей произошло бы по-другому, совершенно иначе. Однако в том-то и дело, что административная особа глазом своим, густо подкрашенным, моргнула. Вернее, заморгала обоими глазами с такой явной растерянностью, что не заметить этого не могла даже величайшая раззява на свете по имени Алёна Дмитриева, которая, в принципе, дальше своего носа ничего не видит. Но вот так случилось, что на сей раз ее зрение было обострено, и замешательство дамы она заметила, и почуяла неладное, и прицепилась к растерявшейся администраторше, как репей к дворняжке, и в конце концов вытянула из нее стыдливое признание: да, в самом деле, люксов в коттедже два, один из них занят, а другой...

– А другой?! – грозно спросила Алёна. – Другой свободен? Правильно? Тогда почему нельзя меня в него поселить? Он что, для кого-то зарезервирован? Что молчите? Имейте в виду, я не собираюсь жить с вашей интеллигентной дамой в двухместном номере. Или вы немедленно вручаете мне ключи от одноместного люкса в уединенном коттедже, или я возвращаюсь в Нижний и через своего адвоката требую расторжения договора и возврата денег.

У дамы с начесом возникло в глазах легко читаемое выражение ненависти и чего-то еще, читаемого уже с затрудне-

нием. Она мгновение смотрела на Алену в упор, потом опустила глаза, пожала плечами и сказала:

– Ну, как хотите, госпожа Ярушкина. Я для вас же старалась, честное слово. Я-то думала, вы не захотите жить в номере, в котором только что умер человек.

Из дневника убийцы

Мне повезло. Я до безумия люблю то дело, которым занимаюсь в жизни. Они меня возвышают над другими, эти проблемы, разрешить которые я пытаюсь. Человек, даже труп, – частица природы. А что может быть выше попытки овладеть тайнами природы? Ведь на самом деле мир не стоил бы ничего, если бы не давал средств для своего изучения. Средство это – наука. Не только потому, что она подсказывает пути для того, как исправить ошибки природы. Да, и она, великая наша природа-матушка, совершает ошибки. Не ошибается только тот, кто ничего не делает, а она – великая творительница... Но в самом деле существование, борьба, смерть людей совершенно непонятны, если их брать так, как они есть, если принимать, не пытаясь осмыслить. Это все полнейший хаос и непоследовательность! Зачем борьба, волнения, страх, если все сами по себе они ничем не связаны и вдобавок кончаются могилой? Разве стремления не такая же нелепость, как неподвижность? Но взгляните на них как на воплощение биологических законов, и все тотчас становится осмысленным и прекрасным. Вот возьмите хотя бы улицу. Что это такое? Это артерия. Она разветвляется, давая в стороны переулки – эти веточки, копирующие сосудистую сеть. По ним бегут люди. Прохожие жмутся вдоль стен – это белые кровяные шарики; вот один вошел в дверь; но ведь

это он пронзил артерию и юркнул в самую паренхиму органа. А посредине улицы несется главная масса: это ведь поток красных кровяных телец. Смотрите, на углу крики, шум: кто-то нападает на мирно идущего человека и хочет его избить. Сейчас же собирается толпа, со всех сторон подбегают милиционеры. Разве это не фагоциты спешат обезвредить опасный микроб? Родильные дома, детские сады, школы – разве это не участки костного мозга, где образуются и развиваются молодые клеточные особи?

Да, кругом столько материала для созерцания! И не просто для созерцания, но и для исправления. Тогда понимаешь, что ты – только клеточка мироздания, но имеющая свое особое значение и место в космосе. Уяснять это все – всегда высокое наслаждение. И даже житейские невзгоды, даже недуги, даже потери не могут омрачить этих духовных радостей.

Нет, потери бывают разные... Но даже в час самой горькой моей утраты мой дух поддерживают эти размышления!

...Помню, давно, еще когда все в моей жизни было иначе, мы отдыхали на берегу моря в маленькой латвийской деревушке. Впервые встретиться с морем... это было просто чудо. Голубое, бесконечное, оно казалось мне любвеобильным сердцем, которое глубоко и умиротворенно дышит. Когда налетал ветер и поднималась буря, темное, как свинец, море начинало бурлить, и тогда было похоже, что оно задыхается от асфиксии. Раз ночью, невдалеке от крохотной турбазы, где мы жили, загорелся дом – деревянный, на камен-

ном основании, простоявший, может быть, век, а то и два. Неведомо почему сделался пожар – очень может быть, что и по криминальной причине. Меня это мало волновало. Куда интересней был сам пожар и звук деревенского набата, такой странный для моего уха, и две пожарные машины, которые примчались из города, издавая ужасный вой, когда сгорело уже все, что могло гореть, и огонь погас сам собой, и только небо еще краснело длинными полосами зарева.

Наутро мы пошли посмотреть на пепелище. Отталкивающее зрелище: среди ровного ряда домиков безобразно торчали обугленные развалины: кирпичи, глина, доски, камни образовывали плотную, бесформенную кучу. Это была плотность и бесформенность инфильтрата после воспаления. А через несколько дней эту кучу окружили люди с лопатами и носилками, стали разбирать развалины. Началось рассасывание шрама. Вскоре все было очищено, мусор вывезен, фундамент снесен. На месте безобразной кучи образовалась гладкая площадка. Инфильтрат рассосался!

Почему меня так успокоила та картина? Почему можно было поверить, что так будет всегда и в моей собственной жизни? Откуда взялась эта наивная, детская надежда?

...Еще помню, когда мы в институте присутствовали при вскрытии трупов и находили в легком, например, огромную область, затромбированную сгустком крови, то можно было представить, что человек этот, при всем своем благополучии в остальном, не мог жить с таким участком, выключенным

из кругооборота организма. То же самое и со мной сейчас: какая-то эмболия души у меня.

Одно спасение: я пытаюсь найти способ, как вылечить мою рану. Где найти антидот от яда, который меня отравил?

...Как странно: из крови больного человека или животного делают вакцину для предотвращения того же заболевания у других. Наука, созданная человеком, милосерднее человеческого сердца. Чтобы вылечиться, ему надо не исцелить, а уничтожить другого.

Когда я перечитываю свои дневники последнего времени, они кажутся мне бессвязными записками сумасшедшего. Да и любому другому человеку, который прочел бы это, наверняка захотелось бы опасно спросить: «Да в своем ли автор уме?!»

В своем?..

Отвечаю и себе, и другим: ну да, конечно. В своем! Другое дело, что с некоторых пор все процессы, которые в обычном организме направлены во благо – на исцеление, в моем подчинены прямо противоположной цели: цели разложения и уничтожения.

* * *

– Что? – тупо спросила Алена. – Что вы сказали?

– Что слышали! – злорадно ответила регистраторша-ад-

министраторша.

Ага, вот какая загадка крылась в выражении ее глаз, которое мельком отметила Алена: дамочка откровенно злорадовалась возможности осадить заносчивую клиентку. Интересно, с чего бы это? Чем Алена ей так не угодила с первого взгляда, что ее приняли в такие штыки?

А впрочем, пора привыкнуть, что тебя принимает в штыки подавляющее большинство встречных-поперечных женщин, а также немалое количество мужчин. За высокомерно задранный нос прежде всего. Только что с ним делать, если он такой уж уродился?! Он задран *физически*, а не морально. Хотя и морально тоже, конечно. Но сейчас речь, ей-богу, не о ее носе. Есть вопросы поважнее.

Ничего себе сообщеньице: «Вы не захотите жить в номере, где только что умер человек»!

Предполагалось, конечно, что при таком известии всякая нормальная женщина забудет о своих гонористых претензиях, упадет в обморок и со всех ног бросится в двухместный номер, где ее уже ждет интеллигентная сожительница. То есть бросится не сразу, а после того, как очнется от обморока, конечно.

Но такое могло случиться только с нормальной женщиной, к числу коих относится, наверное, и сама румяная дама с начесом. Однако Алена, на свою вечную беду, к этому типу не принадлежала. Она вообще была не женщина, а писательница, к тому же детективщица, а потому только вски-

нула свои и без того изломанные домиком брови (надо сказать, что родилась она с бровями вполне нормальными, довольно-таки прямыми, но с течением лет они приняли такую форму от частого и, что греха таить, высокомерного их вскидывания) и холодно спросила:

– Что, он прямо в номере и умер?

Свекольная дама посмотрела в Аленины глаза и вдруг отвела свои со странным, как бы даже вороватым выражением, и приоткрыла рот, и сделала едва уловимое движение головой сверху вниз... но ничего не сказала и движения этого не закончила, потому что не успела: послышались тяжелые шаги и возмущенный мужской голос:

– Ну что ты, Галина Ивановна, девушку пугаешь? Не беспокойтесь, девушка, этот человек просто жил у нас, а умер он не в своем номере, а в медпункте. В парилке ему плохо стало, отвели его в медпункт, а там он взял да и умер от сердечной недостаточности. Было это три дня назад. Конечно, если сердце не в порядке, в парной делать нечего, это ведь кто угодно скажет, она железного здоровья требует. Я в былые времена сам ее очень жаловал, а вот как застариковал, стал беречься...

Во время этой тирады Алена успела обернуться и теперь с неподдельным интересом озирала (сверху вниз, конечно, однако не по причине упомянутого высокомерия, а потому, что ростом – сущая верста коломенская) невысокого, довольно полного человека лет шестидесяти в алой, как знаменитые

книжные паруса, рубашке с короткими рукавами, в белых брюках и ярко-желтых сандалетах, надетых на черные носки. Не только в этом немыслимом сочетании, но и во всей коротенькой, плотной фигуре, во всей толстощекой, загорелой, тщательно выбритой физиономии, в сочетании с абсолютно лысой головой, напоминавшей о бильярдном шаре, было что-то непередаваемо одесское. Не то чтобы Алена так уж хорошо знала одесситов, она и в Одессе-то была всего один раз в жизни, да и то еще давно, при советской, так сказать, власти, но почему-то именно классически веселые одесситы с какой-нибудь там Дерibasовской или Маразлиевской улицы, а то и, условно говоря, с Малого Фонтана пришли ей на ум при взгляде на появившегося в халате толстячка-бодрячка. А еще он очень напоминал Колобка – того самого, сказочного, который и от бабушки ушел, и от дедушки ушел, и от всех прочих, наверное, он в том числе и от лисы как-то умудрился слинять, и долго-долго еще катался по лесным тропинкам, а в конце концов закатился в пансионат «Юбилейный»... Конечно, это был уже пожилой, битый жизнью Колобок, однако сказать о себе – застариковал, мол, я – он мог только по тем же причинам, по каким юная красавица бормочет, разглядывая в зеркале свою заспанную лилейную мордашку: «Ах, как ужасно я сегодня выгляжу!», то есть из соображений чистого кокетства. На самом-то деле такие «колобки» до последнего дня жизни щиплют за попки красоток, а иногда даже отваживаются на постельные подвиги, которые

и становятся для них последними. Как ни странно, статистика гласит: именно низкорослые, полные, лысоватые мужчины, а вовсе не волосатые, широкоплечие атлеты опровергают строку из известной песенки: «В сраженьях нам, не на постели, расстаться с жизнью, нам расстаться суждено...» С другой стороны, ничего в том нет удивительного: неумеренное питание, неумеренное же едение, а также прочие приятности не способствуют, нет, не способствуют укреплению здоровья... Однако стоявший перед Аленой Колобок был вполне еще жив, весьма бодр и очень весело скалил в улыбке, может статься, и вставные, но белоснежные и на вид молодые зубы:

– Здравствуйте! Госпожа Ярушкина, как я понимаю? Очень раз вас видеть.

Вообще-то, настоящую фамилию свою Алена терпеть не могла, что было связано с памятью о бросившем ее муже, горькой, унижительной памятью, и, как правило, настроение у нее портилось при одном только звуке этой фамилии. Однако сейчас даже мигом промелькнувшее и подленько ужалившее воспоминание о господине Ярушкине не смогло стереть ответной улыбки с ее лица:

– Здравствуйте, да, это я.

– А я директор «Юбилейного», Юматов моя фамилия.

И он выжидающе посмотрел на Алену.

– Вы не родственник знаменитому актеру? – немедленно отреагировала та.

Судя по всему, отреагировала так, как нужно: Колобок

просиял и сообщил, что нет, Георгию Юматову, игравшему в фильме «Офицеры», он не родственник. Но ведь приятно носить такую известную фамилию, правда, даже если зовут тебя не Георгий, а Михаил Андреевич? Да, солгала Алена, конечно, приятно. Это была ложь во спасение: Колобок снова засиял лысиной, улыбкой и белыми зубами.

– Так что все в порядке с вашим люксом. Получите у Галины Ивановны ключи и идите себе в свой коттедж. Я вас провожу, вещички с удовольствием поднесу, – предложил колобок, так нетерпеливо переминаясь с одной коротенькой ножки на другую, словно продолжал бежать по дорожке от бабушки, от дедушки и прочей компании.

– Да что вы, – испугалась Алена, которая больше всего на свете боялась кого-нибудь как-нибудь обременить своей персоной и отчасти именно поэтому жила одна, – я справлюсь, у меня, как видите, чемодан на колесиках, сам едет, а сумка и не весит ничего.

Сумка была не чем иным, как ноутбуком в футляре, но выглядел компьютер очень скромненько, совсем как обыкновенная черная сумка, какие носят через плечо многие – что мужчины, что женщины. Посвящать кого-то в подробности своей профессии Алена не намеревалась. В случае, если ее засекут за писаниной, скажет, что работает над диссертацией, к примеру говоря, по славянской мифологии. Тема непонятная, уважение внушающая, досужие разговоры исключаящая (ну кто, в самом деле, что-нибудь знает о славян-

ской мифологии, чтобы поддерживать о ней приятственную застольную беседу?), а главное, никого не настораживающая. Скажешь, что ты журналистка, – люди испугаются, начнут зажиматься, отмалчиваться, боясь, что их «пропишут», или того хуже – станут жаловаться на нелюбимых начальников, умоляя «прописать» их, разобраться в их многочисленных злоупотреблениях. Ну, и разговоры о том, почему журналисты спокойно смотрят на творящийся в стране бардак, тоже обеспечены – до тошноты, до усыхания мозгов, до припадков мизантропии, потому что в стране и в самом деле жутчайший бардак, ты это и сама знаешь, тебе, как Деве с вечной страстью наводить гармонию, хочется, чтобы все было хорошо, красиво, чинно-блинно-благородно, но ты прекрасно понимаешь, что сделать ты ничего не можешь, тут нужна державная воля, которая, увы, в несчастной России перестала иметь место быть давным-давно и вряд ли в обозримом будущем возродится. Можно, конечно, не врать и сказать скромно на вопрос о профессии: книжки-де пишу, детективы, но рискуешь нарваться на пренебрежительное пожатие плеч собеседника. Что, мол, Дмитриева? Не читал и читать всякое барахло, извините, не намерен! И еще хорошо, если возьмут за труд извиниться... Именно поэтому Алена Дмитриева, особа до болезненности самолюбивая, мнительная и обидчивая, профессию свою не афишировала никогда, сообщала о принадлежности к миру творческому не без стыда, словно сознавалась в нетрадиционной сексуальной ори-

ентации. Вот и сейчас смолчала о содержимом сумки.

Колобок более не настаивал на необходимости ее проводить: видимо, желание отдыхающего здесь было законом, и если даме охота самой надрываться над своими вещами, это ее, дамы, личное дело. Поэтому Алена, наконец, отдала регистраторше-администраторше с начесом, которую, как оказалось, звали Галиной Ивановной, путевку, расписалась за полученные ключи от люкса номер два, узнала о том, что ей положено два часа бесплатного плавания в бассейне пансионата (а все, что сверх того, стоит двести рублей в час), выяснила, где расположены столовая, бар и спортивный комплекс, а также получила подробные указания о том, как добраться до коттеджа: «От административного корпуса сразу налево, мимо детской площадки, а за ней сразу направо и вниз, а как минуете четвертый корпус, около которого стоит розовая детская горка, там опять налево повернете и увидите впереди деревянный, красивенький такой домик на отшибе, это и будет ваш коттедж, а за ним стоит другой бревенчатый домик, двухэтажный, так это супер-люкс, в котором номер стоит шесть тысяч рублей в сутки, смотрите не перепутайте!» Засим Алена вежливо поблагодарила представителей администрации пансионата, вежливо распрощалась и вышла из корпуса, с ненужной лихостью волоча за собой чемодан на колесиках, который почему-то нипочем не желал ехать сам, а цеплялся за все, за что мог, словно ему было жутко интересно вернуться и узнать, о чем станут говорить между собой

Колобок и свекольная Галина Ивановна после того, как закроется дверь за новой постоялицей госпожой Ярушкиной.

Ну, да бог с ним, с чемоданом, а его хозяйке это было интересно, и даже очень. Не то чтобы она была такая уж любопытная Варвара (хотя на многие драматичные, а иногда и совершенно детективные тропки своей жизни Алена сворачивала именно из-за поистине сорочьего любопытства), но просто ее донимали некоторые вопросы. Почему, например, свекольной Галине Ивановне так хотелось ее уверить, будто неведомый постоялец умер именно в том номере, в котором ей предстояло жить? Почему только появление Колобка Юматова удержало ее от того, чтобы соврать? Или, может быть, она как раз собиралась сказать правду, а соврал именно что любезнейший Колобок?

Нет, едва ли. Директор пансионата не мог не понимать, что новая отдыхающая непременно начнет общаться со старожилками, которые совершенно точно опишут ей случившееся. И если ее и впрямь запихали в номер, где по какой-то причине, от сердечной ли недостаточности или еще от чего, умер человек, это ей станет известно, а тогда Колобок окажется ужасным лгуном, и не миновать неприятного разговора. Значит, номер, предназначенный Алене, и в самом деле чист. Отчего же так суетилась Галина Ивановна и хотела во что бы то ни стало продержат вновь прибывшую отдыхающую Ярушкину в компании какой-то интеллигентной бухгалтерши целых два дня?

Что-то было во всем этом настораживающее и, безусловно, заслуживающее внимания нашей любопытной Варвары. А потому Алена, чуть шагнув по дорожке от административного корпуса в сторону детской площадки, театрально хлопнула себя по лбу и сделала поворот налево кругом, довольно громко воскликнув:

– Ах да, я же сумку забыла...

После этих слов она довольно небрежно бросила чемодан на дорожку и, придерживая на плече футляр с ноутбуком, ворвалась в административный корпус – как раз вовремя, чтобы услышать несколько очень громко и запальчиво произнесенных, можно сказать, выкрикнутых фраз. К сожалению, последняя осталась незаконченной, потому что Колобок, из уст которого эта фраза вылетела, увидел вернувшуюся Алenu и осекся.

– Ой, извините, – проворковала наша героиня с поистине девическим застенчивым смешком, – я тут сумочку свою позабыла.

Колобок изобразил понимающую улыбку. Галина Ивановна, которая теперь не только лицом, но совершенно вся была свекольного цвета (во всяком случае, таковы оказались шея, часть груди, видная в обширном декольте легонького голубенького платишка, а также полные плечи и руки), уставилась на черную сумку, висящую на Аленином плече, глазами, которые почему-то тоже покраснели – наверное, от злости. Но Алена, сохраняя на лице все то же смущенно-деви-

ческое выражение (она, когда хотела, могла кому угодно голову заморочить!), нырнула чуть ли не под стойку и в самом деле выудила оттуда сумку – обычную бежевую дамскую сумочку на длинном ремешке. Уронить-то ее Алена совершенно нечаянно уронила от потрясения при известии о том, что ей предстоит двухдневное соседство с интеллигентной бухгалтершей, однако сразу поднимать не стала совершенно сознательно. И эта маленькая военная хитрость вполне себя оправдала.

– Ну, теперь я наконец ухожу, – сообщила Алена своим зрителям. – Спасибо, извините, до свиданья!

И снова вымелась вон.

Сошла с крыльца, взялась за ручку чемодана на колесиках и потащила его за собой в направлении детской площадки, размышляя о том, что удалось услышать, пока она открывала дверь в холл. Да, жаль, что уловила она так мало, в самом деле жаль! Услышанное звучало весьма загадочно:

– Тебя же как человека просили номер еще хотя бы сутки не занимать! – раздраженно выкрикнула Галина Ивановна.

– Да глупости все это! – с не меньшим раздражением ответил Колобок. – Не будет никакого толку! Не найти там ничего, ясно? А ты, Галина Ивановна, полная дура!

– Что?! – последовал возмущенный вопрос. – Дура?! Это еще почему?!

– Да потому! – совсем уже яростно выкрикнул Колобок. – Вместо того чтобы...

«Интересные между ними отношения, – усмехнулась Алена, вспомнив набор слов – очень вольный набор! – а также выражение, с которым директор и администратор пансионата смотрели друг на друга. – Не слишком похожи на служебные. Пожалуй, только взгляды взаимно осточертевших за долгие годы жизни супругов или многолетних любовников, тоже порядком проевших плешь друг дружке, могут излучать такую обоюдную ненависть». Но интимные отношения Колобка и Галины Ивановны Алену Дмитриеву мало волновали. А вот упоминание о ком-то, просившем еще сутки не занимать какой-то номер...

Что за номер? Не тот ли, поселиться в который идет Алена Дмитриева? Почему его нельзя было занимать? Что надеялся найти там неведомый человек, к которому, судя по всему, с большим пиететом относится Галина Ивановна, но которому, такое впечатление, совершенно не доверяет Михаил Андреевич Юматов, он же Колобок? Почему отношения к нему так полярны?

А кстати, с чего Алена решила, что неведомый некто – именно «он»? С таким же успехом это может быть «она» или вообще группа лиц. Сказала же Галина Ивановна – «просили», во множественном числе. Хотя это не показатель. Может иметься в виду и один человек. Так часто говорится...

Размышляя, Алена свернула с асфальтированной дороги на боковую, выложенную плитами, и немедленно пожалела, что отказалась от помощи Колобка, – колесики чемо-

дана принялись цепляться за неровные стыки. Вообще глупостью было переть в эту глухомань такой цивилизованный чемодан. От колесиков в два счета останутся рожки да ножки. Не так уж много вещей с собой взято, вполне можно было в обычную сумку уложить. Причем в самую простую. А этот шикарный сак цвета бордо, в прошлом году купленный в Париже, вполне может привлечь чье-нибудь слишком пристальное внимание. Коттеджи разбросаны довольно далеко один от другого, территорию ограждает самый непритязательный забор, замки в номерах, конечно, тоже элементарные: те, которые открываются любой шпилькой или отверткой. И если здесь что-то свистнут, потом ни с какой милицией не найдешь. Прежде всего, конечно, придется трястись не за чемодан, а за ноутбук...

А кстати о милиции! Что, если именно дознаватели из милиции и просили пока не сдавать тот номер, в котором предстояло поселиться Алене и который еще недавно принадлежал покойному? Вот такой простой ответ может быть на вопрос, который сначала показался нашей писательнице очень сложным.

Нет, едва ли. Во-первых, милиции Михаил Андреевич Колобок, пардон, Юматов, вряд ли ослушался бы столь демонстративно. Во-вторых, наверняка все вещи несчастного любителя парной бани были осмотрены и изъяты из номера сразу после его кончины. Кто бы из дознавателей стал ждать три дня? К тому же этот бедолага умер не в номере. Или все-таки

в нем? А Колобок нарочно наврал, чтобы не смущать Алену?

Впрочем, интереснее другое: что и кому понадобилось искать в номере человека, умершего вполне естественной смертью? Предположим, он привез с собой и запрятал под половицей, под подоконником, за обоями или в другом неведомом тайнике неведомо что. Ну, условно говоря, крупную сумму денег, какие-то секретные документы... что там еще обычно ищут в детективных романах самой Алены Дмитриевой и ее многочисленных подружек по оружию? Интересно, конечно, за каким чертом покойнику понадобилось тащить все это в пансионат «Юбилейный», а главное, почему искать спрятанное пришлось столь долго? За три дня можно номер наизнанку вывернуть, все в нем ободрать до основания, а затем заново ремонт сделать, тем паче что директор пансионата в курсе дела...

В этот момент колесо зацепилось за очередной стык. Алена повернулась, чертыхнулась, рванула сумку посылнее и обнаружила, что розовая горка для катания малышни, один из ориентиров на пути к ее новому жилищу, уже осталась позади. Теперь всего несколько метров отделяли ее от хорошенького, хотя и несколько пряничного бревенчатого домика с высоким крылечком и островерхой крышей – надо думать, того самого коттеджа, где она намеревалась прожить неделю, чтобы излечить разбитое сердце и выполнить свой долг перед издательством «Глобус».

Долг оставался долгом, а вот насчет разбитого сердца...

Поразительно, однако за последние полчаса Алена ни разу не вспомнила ни об изменщике Игоре, ни о коварной Жанне. То мысли об этой парочке терзали ее неотступно, словно стая разъяренных ос, то вдруг их словно ветром сдуло.

Может быть, процесс исцеления уж начался? Или правду говорят, будто все на свете относительно?

Из дневника убийцы

«Страшная вещь – одиночество человека, который знал, что такое полное счастье вдвоем. Не помогает ничто: ни мои возвышенные размышления о науке, ни планы черной мести. Причем я прекрасно понимаю, что подобного утраченному мне никогда не найти. Я и не ищу эквивалента! Мне нужно всего лишь утешение. Нет – *утишение*. Утишение тем волнениям, которые терзают не столь душу мою, сколько плоть.

Я никому не могу признаться в этом, я стыжусь. Я даже себя стыжусь. Что делать, если инстинкт смерти не хочет сменить инстинкта жизни? Ну что делать?! Вся мировая литература, как говорят, вышла из полового инстинкта. Голод и пол – вот ось, на которой вращается мир. Я не голодаю. Но моя любовь умерла. Что мне делать? Как жить дальше? Где искать утоления моей неутолимой жажды?

...Давным-давно жил такой поэт во Франции – Абельяр. Он творил только до тридцати восьми лет. Поток его поэтического вдохновения иссяк в 1117 году, когда на одной из пустынных площадей Парижа ночью его оскостили враги. Больше, до самой своей смерти в 1142 году, он не подарил миру ни одной стихотворной строчки, только сочинения по богословию.

Связь творчества с полом установлена и наукой. Мечников прямо указал на предстательную железу у мужчины, как

на этакий подземный родник, куда уходят корни всех высоких иллюзий, одухотворяющих мысль. Предстательную железу стимулируют семенные железы. Любое современное исследование подтверждает это. В них, маленьких и тесноватых, заложена, как в ящике Пандоры, вся история человеческого гения. И когда мы говорим, например, что художник исписался или годы утомили его перо, – это значит только, что предстательная железа или семенники подошли к старческому истощению.

То же можно сказать и о женском теле, женских органах, о женском желании.

Я не творческий человек. Я не пишу картин, музыки, стихов. Я просто нахожусь в заключении в клетке, имя которой – мои желания.

Да, органы дряхлеют, но желание неутомимо. И не вдвойне ли трагично положение отнюдь не старого, а вполне молодого существа, которое не имеет возможности эти желания утолить? Нерасторжимые путы налагает на меня верность умершему!

Или я все же могу сорвать эти путы? Что, если средством для утоления моей жажды станет... моя месть за него?»

* * *

Алена не без усилий втащила чемодан на довольно высокое крыльцо коттеджа и потянула на себя дверь. Потом толк-

нула ее. Как то, так и другое действие успеха не принесли. Дверь оказалась закрыта. Тогда Алена достала из кармана бриджей выданный ей в администрации брелок с двумя ключами. Брелок был симпатичный – плоский, деревянный, с затейливо выжженными буквой Л и цифрой 2. Буква, как пояснил Алене любезный Колобок Юматов, означала люкс (суперлюкс, стоивший шесть тысяч в сутки, обозначался буквами С-Л), ну а цифра 2 – то, что номер у госпожи Ярушкиной второй. А был бы, надо полагать, первый, кабы не задержался в нем какой-то начальник расхищения природных народных богатств...

«Да ладно, хватит заводить себя попусту», – одернула себя Алена и вставила в скважину ключ. Повернула его туда-сюда – бесполезно. Дверь не шелохнулась. Может быть, кто-то снова что-то напутал? Ей дали не тот ключ, и стоит вернуться в административный корпус, попросить помощи. Но опять тащиться с цивилизованным чемоданом по нецивилизованным дорожкам совершенно не хотелось. Алена вынула ключ и принялась рассматривать.

Всего на брелке висело два ключа: плоский и длинный, о котором было ясно сказано, что он от двери в сам коттедж, и узкий, толстый, бороздчатый – от двери самого номера. Скважина по всем признакам соответствовала первому, плоскому ключу, поэтому Алена вставила его снова и принялась вертеть направо-налево, все больше злясь: дверь не открывалась.

Хм, а ведь ключ свободно входил в скважину, без помех поворачивался в ней, издавая при этом характерное щелканье... Все это означало, что замок работает, ключ к нему вполне подходит, ну а если дверь все же не открывается, то по одной лишь причине: она закрыта изнутри на защелку-предохранитель. Видимо, сосед Алены прилег отдохнуть перед обедом, запершись, чтобы его не беспокоили, да и заснул.

Придется его разбудить. Не спи, не спи, начальник, не предавайся сну...

С некоторым злорадством Алена принялась стучать – сначала тихо, потом погромче. Безуспешно. Тогда она приложила ухо к двери и несколько мгновений напряженно вслушивалась в тишину, которую очень вдруг хотелось назвать гробовой. Не получив от сего занятия никакой пользы, Алена спустилась с крыльца и обошла коттедж, а поскольку она не знала, которые из шести окон принадлежат номеру второму, которые – первому, а которые – кухне-столовой (судя по рекламному проспекту, в люкс-коттедже имелось и такое помещение, оснащенное по последнему слову кухонной техники, – на тот случай, если вдруг постояльцы пожелают питаться самостоятельно или принимать гостей), то останавливалась под каждым окошком, приподнималась на цыпочки (окна были расположены довольно высоко, Колобок Юматов, к примеру, ни за что не достал бы!), деликатно постукивала согнутым пальцем в стекло и ожидала, не высунется ли

заспанная физиономия с сакраментальным вопросом: «Чего надо?»

Ничего она так и не дождалась. Никто не высунулся. Вообще никакого движения не наблюдалось за окнами, которые изнутри все были одинаково завешены плотными кремовыми шторами.

Крепко же спит Аленин сосед! Надо надеяться, не мертвым сном? Тьфу, тьфу, конечно, постучим по деревянной стенке коттеджа, но вдруг и в самом деле все постояльцы этого милого домика обречены преждевременно расставаться с жизнью, словно персонажи романов Анны Радклиф и ее многочисленных эпигонов? Тогда Алене стоит сразу поворачивать назад и либо соглашаться на соседку-бухгалтершу, либо отбывать, потому что никаких триллеров она, во-первых, терпеть не может, ни литературных, ни кинематографических, ни житейских, а во-вторых, вовсе не намерена расставаться с жизнью. Не то чтобы Алена так уж дорожила своим довольно-таки унылым (особенно с некоторых, и понятно с каких, пор) существованием. Но она не считала, что срок ее жизни уже истек, тем паче что симпатичный хиромант, который зарабатывал свой нелегкий эзотерический хлеб напротив Госбанка на Большой Покровке, предсказал ей жить до восьмидесяти пяти лет. К тому же наша героиня терпеть не могла неисполненных обязательств и неотданных долгов. Между тем долг перед издательством «Глобус» висел над ней, подобно общеизвестному мечу некоего Дамок-

ла, которого бывший муж Михаил Ярушкин упорно называл почему-то Мандоклом. Такое уж у него, у бывшего мужа, было чувство юмора...

Алена вернулась к крыльцу, поднялась на него и с ненавистью уставилась на дверь, в замочной скважине которой все еще торчал ключ.

Надо заметить, что персонажи романов нашей писательницы так и норовили вляпаться в какую-нибудь криминальную историю и частенько появлялись на месте только что совершенного убийства. Однако сама Алена Дмитриева вовсе не жаждала первой обнаружить труп очередного постояльца пансионата «Юбилейный». Пару раз в своей жизни она испытала подобное, с позволения сказать, удовольствие и не склонна была его переоценивать. А потому Алена все же решила возвратиться в администрацию. Пусть сами вскрывают коттедж и сами делают новые неприятные открытия. Понятно, что, если зловещие подозрения подтвердятся, Алену в этот люкс уже и калачом не заманишь. Придется, увы, все же следовать в родные пенаты, где... где в каждой пылинке, в каждом отзвуке, в каждой тени, в каждом промельке в зеркалах... известно кто.

Алена досадливо мотнула головой, яростно выдернула ключ из замка и даже пошатнулась от изумления. Потому что в эту самую минуту дверь распахнулась.

– О Господи! – воскликнула Алена, хватаясь за сердце. – Как же вы меня напугали!

– О Господи! – воскликнула, хватаясь за сердце, высокая женщина, стоявшая на пороге с ведром в руках. – Как же вы меня напугали! Вы кто такая?

– Здравствуйте, – проговорила Алена, которая неуклонно следовала в своей жизни правилу: умный здоровается первым. – Здравствуйте, я ваша тетя, и я буду у вас жить. В смысле, в этом коттедже. Во втором номере. Если позволите, конечно.

И, подняв свои знаменитые брови как можно выше, она уставилась на женщину с самым ледяным выражением в глазах.

Самой Алене впору было спросить: «Кто вы такая?», потому что вид у стоявшей перед ней особы был более чем несуразный. Нелепо наверхенная тряпка прикрывала волосы, словно причудливая чалма, а одета женщина была в линялые джинсы и столь же линялую, оранжевую с черными разводами футболку. А ноги босые. Просто побродяжка какая-то!

– Ой, – пробормотала особа в чалме, – во втором? Но как же, ведь...

Она тут же прикусила язык и, подняв повыше ведро, прижала его к животу, словно щит:

– Извините, конечно, проходите... Я тут только что полы помыла...

О Господи... А ларчик-то просто открывался, как уверял дедушка Крылов. И он был, по своему обыкновению, прав.

Побродяжка оказалась уборщицей! И стыдно должно быть детективщице, что сразу не догадалась: вон к стене прислонена швабра, пол мокрый, пахнет сыростью, линялые одежды особы тоже в мокрых пятнах... Странно, конечно, что такой солидный пансионат, дерущий с постояльцев немаленькие суммы за сутки проживания, не справил своей службе более или менее приличную фирменную спецодежду. Ну да ладно, это не Аленино дело. Так же ей должно быть безразлично варварское обращение уборщицы с дорогим и красивым ламинатом, имитирующим светлый паркет. Лужи разводить на таком-то полу – какой же кретинкой надо быть?!

– Вы извините, что вам ждать пришлось, – бубнила между тем уборщица. – Я дверь на всякий случай заперла, мало ли какая шпана тут шляется...

– Что?! – возопила в ужасе Алена. – Какая еще шпана?! Тут что, рядом колония для малолетних преступников?! Тогда, извините, мне здесь делать нечего!

– Да что вы! – Уборщица явно испугалась такой бурной реакции на свои слова и даже сделала движение схватить Алену за руку, но вовремя остановилась. – Это я просто так сказала, никакой колонии тут нет, а всего лишь детский спортлагерь. Ребятам к озеру идти в обход неохота, через нашу территорию ближе, вот и норовят через забор перелезть и прошмыгнуть. Охрана их гоняет, гоняет, но ведь пацаны, разве за ними уследишь... Нет, вы не думайте, в корпуса они не лезут! Тут можно все, что угодно, безопасно оставить,

хоть все двери настежь держи, никто не тронет, не возьмет, не беспокойтесь!

Алена недоверчиво пожала плечами. Господи, куда она попала? Детский спортивный лагерь! Со времен своего далекого детства и пионервожатской юности Алена сохранила к этим заведениям самое неприязненное отношение. Впрочем, времена, говорят, меняются... В любом случае, бережного Бог бережет, двери открытыми она не намерена оставлять.

Между тем уборщица повернулась к Алене спиной и принялась запихивать орудия своего производства в стенной шкаф. Давно Алене не приходилось видеть такого изобилия дорожных моющих и чистящих средств. Просто-таки витрина хозяйственного магазина где-нибудь на рю де Фобур-Монмартр в Париже. Вон и пылесос «Tefal» уютно свернулся внизу... Странно, конечно, что при таком арсенале в ход идут вульгарные швабра, ведро и тряпка. О родимый совок, ты неискореним!

– Вы, наверное, стучали? Извините, я убиралась и не слышала, и еще у меня телевизор в холле был включен на полную катушку, – продолжала свое уборщица, низко наклонившись и пытаясь пристроить в шкафу ведро, которое там почему-то упорно не желало помещаться. При этом она повернулась к Алене пятой точкой, и наша героиня вдруг обнаружила странную вещь: джинсы-то на уборщице надеты наизнанку. Футболка, кстати, тоже. Так вот чем объяснялся их

неприглядный, как бы линиялый цвет!

Выше поднимать брови было уже просто некуда, не то Алена это непременно сделала бы.

Оч-чень интересно. Эта особа, такое ощущение, вообще не имеет сменной одежды и, чтобы не испачкаться в процессе уборки, надевает свои вещи наизнанку? А потом, закончив работу, опять их выворачивает? Чудны дела твои, Господи, чего только не повидаешь на свете!

А, кстати, уборщица-то врушка. Насчет телевизора – врет определенно. Алена, стоя под дверью, прислушивалась очень внимательно: тишина в коттедже стояла полная – ни звука, ни шороха. Ах, ладно, на моральный облик уборщицы ей должно быть наплевать с такой же высокой башни, как и на физический.

Между тем уборщица окончила борьбу с ведром, закрыла дверцы шкафа (за ними немедленно что-то гроыхнуло, словно обрушилось, но она не обратила на это внимания), мельком окинула Алену взглядом, запнулась, словно хотела что-то сказать, но не решилась и ринулась к двери, даже не простившись.

– Всего доброго! – послала ей вслед пожелание вежливая Алена, но ответа не дождалась: девица уже свернула за угол дома. Вот дурища, а? Она что, так и выйдет на люди в одежде наизнанку?! Плохая, между прочим, примета. Бить будут... А, ладно, ее проблемы.

Морщась от влажной духоты, Алена перетащила через по-

рог сумку и, стараясь не наступать на мокрые пятна, прошла из холла в коридор, разделявший две двери. Здесь был вход в пресловутые люксы, перед каждым из которых имелся еще и собственный холл. Роскошь-то, роскошь... Ну что ж, хотя бы подобие уединения писательнице обеспечено. Однако которая из этих двух дверей ее?

Нашарила на стене выключатель и зажгла свет. Вот налево – цифра «один», направо – цифра «два». Алена бросила неприязненный взгляд на левую дверь, которая, вообще говоря, должна была вести в ее апартаменты, а теперь ведет в чужие, – и вдруг заметила на сыром полу нечто странное. Это был след – отпечаток узкой и длинной (не меньше сорок четвертого – сорок пятого размера!) мужской ступни.

Ну, тут оставалось только головой покачать или руками развести. Кому что больше нравится. Дедушка-то Крылов в очередной раз оказался прав! Ларчик просто открывался: никто не спал в этом коттедже мертвым сном, никто не включал и телевизор «на полную катушку». Перед тем как Алена начала биться и колотиться в дверь, здесь происходил самый обычный и привычный пансионный, санаторный, летний, отпускной разврат. Видимо, постоялец из первого номера испытывал тягу к хорошеньким уборщицам (вроде бы особа со шваброй была и впрямь ничего себе, в меру тощая, в меру фигуристая, правда, ни лица ее, ни волос Алена толком не разглядела, но отметила яркие карие глаза, и довольно молодая, не сильно за тридцать), а хорошенькая уборщица, в

свою очередь, испытывала тягу к богатым постояльцам. Однако барин горничную в свой номерок не допустил – поимел ее, судя по всему, на коричневом вельветовом диванчике, который стоит в холле, а потом, поняв, что может попасться на месте преступления, спешно ретировался – босый и, надо полагать, голый. Пассия же его еле-еле успела одеться, и то кое-как.

Собственно, Алене-то какая забота? Она никого не осуждает, боже упаси, радости плоти – вообще святое, в ее понимании, дело. Более того – она почувствовала себя неловко, что переполошила любовников. Из-за ее несвоевременного появления неторопливый, взаимно приятный секс превратился в пошлый перепихон. Можно себе представить, какие у нее теперь сложатся отношения с соседом, которому она испортила удовольствие!

А не плевать ли ей на эти отношения и на самого соседа? Кто он ей – брат, сват, друг, любовник? Нетушки, она приехала сюда работать, а не «дружить» с каким-то там...

Хотя, между прочим, почему бы и нет? Вот только после уборщицы... Классовые противоречия довольно-таки крепко обосновались в душе нашей героини. Если спать, то не с соседом, нет. Но с кем-то другим – да! При первой же возможности! Довольно она уже упустила в жизни этих приятных возможностей за то время, пока у нее был один лишь свет в окошке – Игорь Владимирович Туманов! Жила, словно бы по некоему тоннелю шла, ничего не видя, кроме чер-

ных солнц его глаз, сияющих впереди. И куда пришла? Как та старуха – к разбитому корыту. Но Игорь и Жанна еще не знают, кого обидели, какого дракона раздразили, какого джинна из бутылки выпустили! Вот как сделает их Алена персонажами своего очередного детектива, причем самыми отталкивающими персонажами, – узнают тогда!

Хорошая, между прочим, мысль... Месть – самое лучшее лекарство для раненого самолюбия и разбитого сердца! Правда, мудрые восточные люди утверждают, будто это блюдо лучше всего есть остывшим, однако Восток – дело тонкое, а некоторые любят погорячее. Например, писательница Дмитриева. Сейчас она войдет в свой номер, примет душ (волоча по местным ухабам чемодан и бегая под окошками, она несколько, пардон, взопрела) и немедленно включит ноутбук. И польется, потечет новый романчик о том, что от безрассудной любви до ненависти – только шаг...

Господи, как же она его любила, как самозабвенно, неистово... Так же неистово, как ненавидит теперь.

Все, хватит, хватит об этом! Довольно!

Внезапно вырвавшись из мира своих мстительных грез, Алена обнаружила себя стоящей посреди просторной комнаты с телевизором чуть не в полстены (какой кошмар!), с огромным письменным столом, журнальным столиком перед затейливо изогнутым и явно не слишком удобным диваном, парочкой таких же неусидчивых кресел и вдобавок ко всему с кроватью, упрятанной в некое подобии алькова. Нет, это

была даже не двуспальная кровать, а истинный сексодром, мечта преступных любовников или новобрачных. Кстати, у Алены в ее собственной спальне стояло нечто подобное, и она в компании со своим преступным любовником по имени Игорь в бурные ночи расшатала ложе до такой степени, что на нем теперь даже невинно повернуться с боку на бок нельзя, не перебудив скрипом полдома. А впрочем, Игорю больше нравилось заниматься любовью на ковре, так что...

Так, забыли об Игоре! Быстренько за-бы-ли!

Да, номер Алене достался и впрямь приятненький. Может быть, на сто евро в сутки он и не тянет, хотя ведь еще и питание какое-то предполагается... Надо думать, здесь шведский стол, и не придется клацать зубами в ожидании ленивой подавальщицы в грязном переднике, высоко вздернутом на толстом животе?

Мизантропия, любимая болезнь всех Дев, а Дев-писательниц – в особенности, навалилась, как темное, тяжелое одеяло, грозя удушить... В этом состоянии садиться писать – последнее дело. Такого нащелкаешь – у редактора потом сердечный приступ случится от страха. Поэтому сейчас оставить замыслы творческой мести в покое и пойти покормить голодного зверя. Колобок просил отметить в столовой – ну вот и сделаем это поскорей. Хорошо бы употребить какой-нибудь легонький салат, а потом пару персиков и мороженое. И никаких жирных бумажных котлет с макаронами, Боже упаси! Но сначала – душ.

Душ оказался пластиковой кабинкой со множеством водно-массирующих прибабасов по последнему слову европейской техники. Правда, половина их, по последнему слову техники российской, не работала. Алена наскоро ополоснулась, потом потопталась по полу с подогревом, дивясь, кому он нужен, когда на дворе июльская жара, – и вскоре уже бежала по дорожке, потирая плечо, которое порядком натер ремень ноутбука. На сей раз плечу было легко и приятно – ноутбук остался в номере. Однако слова уборщицы о шпане из спортивного лагеря накрепко отравили Аленино сознание, и оставлять на произвол судьбы самое драгоценное свое достояние (еще несколько дней назад Алена считала, что величайшее ее сокровище – обладатель обворожительных черных глаз, но времена, как известно, меняются!) она не решилась. И предприняла для превращения своего дома в свою крепость кое-какие меры. В прошлом году, когда Алена была в Париже, она познакомилась с частным детективом Бертрамом Саву и даже ввязалась с ним за компанию в одну криминальную историю.¹ В благодарность за помощь галантный француз подарил Алене некое приспособление, что-то вроде магнитных замочков, которые крепились изнутри к дверному замку и шпингалетам на окнах. Теперь замки и шпингалеты были зажаты намертво, разблокировать их без особого ключа, который останавливал действие магнитов, было

¹ Прочитать об этом можно в романе Елены Арсеньевой «Поцелуй с дальним прицелом».

совершенно невозможно. Такой ключик Бертран тоже вручил Алене. У нее еще не было случая испробовать действие французских подарочков, просто повода не находилось, однако она словно чувствовала, что здесь, в «Юбилейном», такой повод непременно сыщется, вот и прихватила защелки «Gardien», что и означало – «Сторож», с собой. Теперь никакой на свете зверь, хитрый зверь, страшный зверь не откроет эту дверь, эту дверь, эту дверь!

Из дневника убийцы

«Сегодня исполнилось девять дней со дня смерти его жены. Разумеется, я не была на поминках. Но сразу после того, как они окончились, он мне позвонил и сказал:

– Теперь я свободен. Выйдешь за меня?

– Когда, завтра? – спросила я с насмешкой.

– Да нет, придется подождать хотя бы полгода, – сказал он очень серьезно. – Какие-то приличия нужно соблюсти. Но ты согласна?

– А зачем вообще жениться? – спросила я. – По-моему, нам и так неплохо.

– Ну, знаешь, я ведь не Сергей! – усмехнулся он. – Моя женщина должна во всем принадлежать только мне, до последней точки в паспортном штампе!

– Ты думаешь, паспортный штамп обеспечивает вечную верность? – спросила я.

– Да кто знает! – серьезно сказал он. – Откуда мы можем знать. Вдруг, будь официальной женой Сергея, ты так и хранила бы ему вечную верность?

– Ты что, жалеешь, что я ее нарушила? – спросила я.

– Ты с ума сошла! Я счастлив, что ты ее нарушила. Счастлив! Потому что, еще когда он был жив, я мечтал отбить тебя у него. Но он мой друг был, хоть мы и поссорились, я не мог отбить женщину у моего друга. Было бы неэтично...

Мы еще помусолили эту тему, я сказала, что предпочитаю неформальные отношения с мужчинами, так будет и впредь, а впрочем, обещаю подумать... На сем мы и положили трубки. И я легла спать, думая о странной этике этого человека.

Отбить жену у друга – нельзя. А убить друга – можно. И даже нужно!»

* * *

При входе в столовую уже подошавшиеся было брови Алены вновь взлетели с вопросительно-негодующим выражением. Самые худшие опасения оправдались, а надежды на шведский стол исчезли, как дым, как утренний туман. Правда, подносы разносили не тетки в стоптанных шлепанцах и грязных передниках, а длинноногие особы в мини-юбках, которые могли бы оказать своим обликом честь любому приличному публичному дому, но стоило привередливой писательнице бросить взгляд на столики и увидеть до краев наполненные тарелки со щами и горы именно что макарон в компании с истекающими жиром шницелями, как она уже приготовилась круто повернуться и бежать отсюда навсегда. Остановила ее только очередная красотка в мини-юбке, которая отметила «госпожу Ярушкину» в какой-то тетрадке и подтолкнула ее к столику, за которым уже сидели двое: стройный парень лет двадцати пяти с влажными, словно после купания, черными волосами и дама лет этак под... ну,

примерно Алениных лет, поэтому не станем уточнять ее возраст.

При виде молодого человека бежать Алена раздумала. Владелец такого лица, такой фигуры стоил того, чтобы если не завязать с ним приятные отношения, то хотя бы рядышком посидеть. Во-первых, это был ее любимый возраст. Во-вторых, только в кино Алена видела раньше красавцев с такими синими глазами и черными, без преувеличения сказать – как вороново крыло, волосами. Кажется, считается, что это ирландский тип? Ну, ну... Может, он и впрямь ирландец? Ирландцев в Алениной любовной коллекции еще не было, так почему бы ее не пополнить еще одним экспонатом?

Красивенький «ирландец», как уже было сказано, обладал стройной фигурой, а вот дама, которая сидела с ним рядом, оказалась большая. Ну, очень большая! Причем черты лица у нее были четкие, правильные, она могла бы, наверное, быть красавицей, если бы не расплылась так. Складывалось впечатление, что в своей жизни она следовала главному принципу: хорошего человека должно быть много. Ее и было много, этой дамы. Так много, что она даже свешивалась с обеих сторон стула. Однако даме, такое ощущение, казалось, будто ее, любимой, все еще мало, и она продолжала истово вливать себе в рот щи со сметаной, заедая их толстыми белыми ломтями хлеба, быстро жевала, быстро глотала, не забывая при этом метать из глаз искры в сторону молодого привлекательного соседа и что-то кокетливо бубнить. Сосед ел медленно,

словно нехотя, без всякого аппетита, гущу из щей отодвигал в сторону, наеживал на ложку только бульон, хлеба вообще не трогал...

– Что-то вы плохо кушаете сегодня, – с материнской заботливостью ворковала большая дама, хотя выражение ее глаз, устремленных на соседа, было весьма далеко от материнского. – Супчик замечательный! А котлетки какие питательные, а макарончики, наверное, итальянские, совсем не разварились. Вы тренировались, устали, конечно, вам надо хорошо кушать...

Алену передернуло. Она не выносила ласкательно-уменьшительных суффиксов в сочетании с названиями блюд. Слово «кушать» вообще терпеть не могла, воспринимала его только по отношению к детям, а молодой человек, хотя и был гораздо моложе дамы (а значит, и самой Алены, но она об этом, конечно, старалась не думать), все же давно вышел из детского возраста.

– Здравствуйте, – сделала любезную улыбку Алена, – приятного аппетита! Меня посадили за ваш столик. Меня зовут... Елена.

Она и сама не знала, почему представилась именно так. Вообще, имени своего, как уже было сказано, она не любила, и человек, который называл ее Еленой, тем паче – Еленой Дмитриевной, немедленно попадал в разряд ее врагов. Ну, если не врагов, то неприятелей. Алена, Алена, называй-те меня Аленой. Это был назойливый лейтмотив ее жизни,

и вдруг...

Побоялась, что у кого-то возникнут ассоциации со знатной нижегородской писательницей Аленой Дмитриевой? Глупости какие. Нашлась тоже знатная! И вообще, кому ты нужна? Но все. Слово сказано. Живи теперь Еленой!

– Здравствуйте, – радостно воскликнул красивый ирландец на чистом русском языке (ох, рухнула еще одна иллюзия!), – здравствуйте! Очень приятно! Садитесь, пожалуйста! Меня зовут Вадим.

Он вскочил и отодвинул Аленин стул.

Наша героиня обладала, конечно, гипертрофированным самомнением, однако не настолько, чтобы отнести этот внезапный переизбыток любезности лишь на счет своей неземной (куда там!) красоты. Нет слов, она выглядит моложе своих лет, но определенно Вадим рад новой соседке лишь потому, что она несколько разрядит напряженные отношения, сложившиеся с толстой дамой, которая не помещается ни на стуле, ни в собственном платье и на пухлом лице которой выражено прямо противоположное отношение к Алене: неприкрытая неприязнь. И это еще мягко сказано – во взгляде толстухи мелькнула откровенная ненависть!

Батюшки-светы... За что? И чем сие чревато? Не подсыпет ли дама Алене толченого стекла в суп? Не подсунет ли поганок к котлетке? И решение ни в коем случае не есть здешнего супчика и здешних котлеток окрепло в душе нашей героини...

– Значит, вы Елена, – с откровенным удовольствием разглядывая Алену, сказал Вадим. – А это – Леонида Леонтьевна, – сделал он жест в сторону толстухи.

Та покраснела так сильно, что ее бледно-голубое платье показалось просто белым на фоне столь обильной красноты.

«Экие в этом санатории дамы пылкие», – подумала Алена. То администраторша Галина Ивановна полыхала от кончиков волос до кончиков ногтей, теперь и Леонида просто-таки румяной зарею покрывается, как тот восток... С чего бы вдруг?

Впрочем, жизнь и профессия сделали Алену недурным психологом, и она немедленно смекнула: монументальная дама стыдится своего редкого и тяжеловесного имени, наверняка она просила Вадима называть ее как-нибудь полегче, повоздушнее – Лида, к примеру, или... Как можно еще называть женщину по имени Леонида? Леня? Нет, это ужас. А если Леля? Уже лучше. Леля – и впрямь прелестное имя, и если Вадим соседку так не называет, вообще величает ее только по имени-отчеству, значит, сознательно не желает допустить между ней и собой никакой короткости.

– У вас совершенно невероятное имя, – сказала Алена, надев самую любезную из всех имеющихся в запасе масок и нежно улыбаясь толстухе. – Очень красивое! Такое имя даже жаль портить всякими уменьшительными именами. От него так и веет античностью. А мне мое имя не очень нравится. То есть Елена – это еще ничего, а вот Лена или там Леночка

– это ужас какой-то!

– А по-моему, Елена – замечательное имя. И вам идет – особенно в сочетании со словом Прекрасная, – играя глазами, вступил Вадим.

– Да что вы говорите... – заиграла глазами в ответ и Алена.

– Но если вам не нравится, – продолжил Вадим, – хотите, я буду называть вас... Аленой?

Вот же елки-палки! Первый раз в жизни она готова была зваться Еленой (если еще в сочетании со словом «Прекрасная», то тем более!), но тут зачем-то выплыла на свет изрядно навязшая в зубах Алена... А деваться некуда! Обратный ход отрабатывать после того, как ты сама расписалась в неприязни к своему имени, неудобно. Придется делать вид, что всю жизнь только об этом и мечтала.

– О, конечно, как это мило! – воскликнула она с фальшивым энтузиазмом. – Меня, правда, никто так никогда не называл, но надо же когда-то начинать.

– Правда, – подхватил Вадим, – все надо в жизни испытать. А вы как считаете?

Интонация, с какой была произнесена последняя фраза, стоила того, чтобы взглянуть на Вадима повнимательней.

Ого, какой взгляд синих глаз сопровождает эту интонацию! Уж не флиртует ли мальчишечка с новой знакомой? Определенно флиртует. Ну что ж, очень мило с его стороны. Ведь не далее как полчаса назад эта самая знакомая убедила

себя больше не проходить мимо каких бы то ни было приятностей, которые пересекут ее тернистый жизненный путь. Тем более если приятностям не более двадцати пяти...

– Представьте себе, и я считаю так же, – усмехнулась Алена, посылая Вадиму улыбочивый взгляд из-под ресниц (научилась, между прочим, она таким взглядам у предмета своих вздохов и слез... Оный предмет вообще мог бы докторскую диссертацию защитить на тему: «Как разбить женское сердце с одного взгляда!»). – Кстати, не только считаю, но и следую этому принципу.

Их с Вадимом глаза встретились, и Алена увидела, что ее намек понят. Что ж, теперь они все знают друг о друге. Вадим понял, что с новой соседкой ему недолго придется топтаться на пороге, он будет очень скоро допущен в самые приватные апартаменты. Алена же поняла, что молодой красавчик обожает легкие, ни к чему серьезному не ведущие связи, и возраст женщины его не останавливает, а даже где-то наоборот. Встречаются, встречаются такие вьюноши, и их гораздо больше, чем могут вообразить так называемые приличные люди!

И это просто замечательно...

«Кажется, повезло, – подумала Алена. – Стресс он тебе снимет, может быть, снимет очень даже качественно, но на большее ты не рассчитывай. Да и ладно, будем жить одним днем!»

Вадим чем-то напомнил ей Андрея, друга-приятеля

несравненного Игоря. Вот, что называется, многовалентное вещество! Раньше Алена над Андреем немало потешалась и была уверена, что такие мотыльки-однодневки – не для нее, она ведь обожает романтических махаонов... Но что поделать, жизнь вносит свои коррективы. Кстати, у таких красавчиков, как Андрей и Вадим, в карманах всегда наготове пригоршня презервативов. Тем лучше, о безопасном сексе должен заботиться мужчина.

«О-о, кажется, ты готова уже нынче начать расшатывать сексодром, который стоит в твоём номере?»

Ну и готова, ну и что тут такого? В конце концов, она не обязана хранить верность человеку, который спит с другой, даже если эта другая – бывшая подруга... или приятельница, название не играет никакой роли...

– Ваш салат!

Неприятный девичий голос вырвал Алёну из мира сексуальных грез и грустных воспоминаний. Она растерянно повела глазами и обнаружила рядом официантку с длиннющими голыми ногами. Официантка совала на стол мисочку с чем-то зелененьким, а её глаза метались от Алёны, которой она ту мисочку подавала, к Вадиму. Губки девушки были поджаты, глаза сердито прищурены.

Ах ты, Господи! Везет же Алёне! Не успела и часу пробыть на территории этого богоспасаемого пансионата, как успела восстановить против себя как минимум четырех особ женского пола. Галину Ивановну, уборщицу, Леониду, те-

перь еще официантку...

Видать, планида у нее такая. Да не наплевать ли?

– Скоро обед закончится, нам еще посуду убирать, а вы опоздали и не едите ничего, – поставила ей «на вид» официантка и отошла, бросив на Вадима страдающий прощальный взгляд, который пропал втуне.

Алена с отвращением посмотрела на зеленое месиво в мисочке. Капуста, огурцы... ужас. Но делать нечего. Щи и котлеты исключены, а есть что-то надо.

Нехотя поковыряла вилкой салат, но он, против ожидания, оказался очень даже недурен.

– Здесь хорошо готовят салаты, – сказал наблюдавший за ней Вадим. – Все остальное – типичная совковая столовка, а салаты вкусные. Именно поэтому сегодня на банкете не будет никакого так называемого «горячего» – только салаты, фрукты и десерты, которые специально привезут из города. Не здешние же булки лопать!

Леонида Леонтьевна, как раз потянувшаяся к одной из таких сдобных, пышных, щедро сдобренных изюмом булок, которые в количестве четырех штук лежали на тарелке посреди стола, немедленно отдернула руку, словно обожглась.

Алена неприметно вздохнула. Булки выглядели очень аппетитно. Наверняка мягонькие, сладенькие, и изюма в них много... Она и сама с удовольствием съела бы такую. Один раз можно было бы расслабиться, согрешить перед богом Шейпом, которому Алена истово поклонялась. А завтра по-

разгружалась бы, чай, не впервой... Но теперь разве можно что-нибудь «слопать»? Кусок в горле застрянет. Неохота разочаровывать Вадима. Видимо, ему нравятся малоежки. Он и не знает, бедолага, что женский аппетит не меньше мужского, и если женщина ограничивает себя в еде, то делает это совершенно сознательно, обрекая себя на страшные мучения. Ведь чтобы быть красивой, надо страдать.

О Господи, ну что за натура у Алены? Не успела и двух слов сказать с мужчиной, как уже начинает к нему приспосабливаться! А потом возненавидишь его именно из-за того, что ради него ломала себя. Так уже не раз бывало в ее жизни, стоит ли начинать сначала? Вот взять сейчас и слопать булку, а Вадим пусть думает, сам решает – иметь или не иметь!

– Да, – лицемерно сказала Алена, – булки даже по виду неподъемные, а уж по калорийности... даже подумать страшно! Лучше не искушать судьбу и желудок, вы совершенно правы. А о каком банкете вы говорите?

– Один бизнесмен устраивает здесь вечеринку, – пояснил Вадим. – Пансионат – его любимое место отдыха, он тут каждый год живет летом, как другие – на даче. На работу ездит в Нижний, а ночует здесь, в пансионате.

– В Нижний? Каждый день? – изумилась Алена. – Близенький свет! Так на бензине разориться можно.

– Ничего, он человек не бедный, – ухмыльнулся Вадим. – Вот увидите его вечером – сразу поймете, какая это широкая натура. Строго говоря, он москвич, а в Нижнем у него просто

поле деятельности. Необъятное поле!

– А, понятно, один из тех, кто превращает нашу губернию в придаток Московского княжества, – кивнула Алена. – Обычное дело!

– Между прочим, – поджимая губы, вмешалась Леонида Леонтьевна, – я слышала, что здесь столики будут переставлены, чтобы освободить место для танцев, и на банкет попадут далеко не все отдыхающие. Всего лишь десять человек, особо приглашенных. Ведь будут еще и приезжие гости... А остальным отдыхающим накроют в игровой комнате. Там специально для них, – тут последовал пренебрежительный взгляд в сторону Алены, – поставят столы. Для тех, кто на банкет не попадает, – еще один такой же взгляд по тому же адресу, – уже готовят котлеты и рис. Их потом разогреют в микроволновках. Конечно, и салаты какие-то будут, а на десерт – сырники.

– Батюшки! – пробормотала Алена, ужаснувшись перспективе ужинать котлетами, да еще и явно «второй свежести», то есть разогретыми в микроволновке, а вдобавок есть сырники, в которых, конечно, будет больше муки, чем творога. Это ж похлеще, чем булки! – Откуда такая осведомленность?

– Мне Галина Ивановна сказала, администратор «Юбилейного», – с явной гордостью сообщила Леонида Леонтьевна. – Вы ее видели, конечно, она сегодня дежурит и вашу путевку оформляла. Вот она мне и сказала про ужин.

Ага...

– Извините, Леонида Леонтьевна, а вы не бухгалтером работаете? – неожиданно для себя спросила Алена.

– Да, а откуда вы знаете? – насторожилась толстушка.

– Так просто, – уклончиво ответила наша героиня. – Просто я... люблю угадывать профессии своих новых знакомых. И, как правило, попадаю в точку.

Нет, ну в самом деле, не скажешь ведь, что ты просто любишь складывать два и два и, как правило, получаешь четыре. Элементарно, Ватсон! Леонида явно в доверительных отношениях с Галиной Ивановной, а та очень старалась поселить Алену в одном номере с какой-то бухгалтершей, с которой она, конечно, дружит, судя по тому, как расхваливала ее интеллигентность. Разве тут не напрашивается вывод, что Леонида – та самая бухгалтерша?

Кажется, теперь понятна причина ее неприязни к Алене. Галина Ивановна наверняка успела сообщить подруге, что гражданка Ярушкина категорически отказалась от ее приятной компании. И та обиделась, конечно... Хотя нет, чепуха. Нормальный человек непременно предпочтет жить в номере один, а вовсе не на пару с другим человеком. Корни неприязни Леонида к Алене кроются в другом. В чем? Неужели в перестрелке взглядов, которая продолжается между ней и Вадимом?

Да ну, смешно. Неужели Леонида могла на что-то надеяться? В ее-то возрасте, с ее-то внешностью!

Кстати, она не слишком-то старше Алёны, всего лишь на какой-то десяток лет. Это что касается возраста. А насчет внешности... Собственно, какая женщина способна оценивать свою внешность адекватно? Не ты ли сама, дорогая подруга, столько времени пребывала в плену приятных заблуждений относительно собственной внешности и способностей удерживать в своих тенетах одного красавца, намно-ого тебя моложе? Что-то такое там мечталось даже насчет вечной любви... Нет, нет, нет, *vade retro, Sathanas!* – что в переводе с латыни означает: «Изыди, Сатана!» Изыди, сатана Игорь, и более не напоминай о себе! Итак, очень может быть, что толстуха Леонида имеет виды на синеглазого Вадима. А он-то, он-то как шустрит вокруг другой!

– Умеете угадывать профессии? – оживленно спросил Вадим в эту минуту. – А мою угадаете?

Нетрудно было предвидеть, что такой вопрос последует. И что сказать?

Да ладно, велики проблемы! В конце концов, язык у Алёны не только для того подвешен, чтобы доставлять удовольствие любимому мужчине, тем более что такого мужчины у нее уже не имеется. Он, ее язык, еще и болтать умеет!

– Мне кажется, нет смысла угадывать вашу профессию, потому что вы ее скоро измените, – медленно проговорила она, окинув Вадима ласкающим взглядом. – В любом случае то, чем вы занимаетесь, вам не слишком нравится. Вы вынуждены делать вещи, к которым у вас совершенно не лежит

душа, но только и ждете, когда этот период в вашей жизни пройдет. Верно?

– Однако это не ответ! – вмешалась Леонида Леонтьевна. – Кто вообще доволен своей жизнью и своей работой? Может быть, вы сами?

– Жизнью, наверное, не слишком, а работой довольна, – ответила Алена довольно резко.

Черт бы побрал эту Леониду, до чего ж не вовремя она встряла. Ведь странно... очень странно отреагировал на необременительную Аленину болтовню Вадим. Прищуренные синие глаза вдруг распахнулись и стали по-мальчишески растерянными, почти испуганными. Но это длилось только миг – раздался тяжелый голос Леониды, и лицо Вадима приняло прежнее лукавое выражение.

– А кем вы-то сами, кстати, работаете? – небрежно спросила Леонида.

И этот вопрос можно было предвидеть!

Заполняя карточку приезжающего, Алена в графе «Профессия» неразборчиво начеркала – «Литературный работник». Если Леонида приятельствует с Галиной Ивановной, врать сейчас и изобретать себе новую специальность смысла нет. Придется следовать «легенде». Алена так и сделала, после чего дала заинтересовавшемуся Вадиму необходимые пояснения: работает-де она в одном частном издательстве, где печатают заказные книжки – например, воспоминания каких-нибудь ветеранов – мемуары, проще говоря. Посколь-

ку ветераны редко умеют выражать свои мысли правильным русским языком, на то и существует такая профессия, как литраб, который и обрабатывает их тексты, доводит до нужной стилистической кондиции.

Между прочим, Алена наша не так уж сильно и врала, потому что иногда ей приходилось заниматься и такой откровенной халтурой. Для поддержания штанов, как принято выражаться. Хотя с ветеранских гонораров эти самые штаны не больно-то поддержишь!

– Ну, что-то в таком роде я и предполагал, – кивнул Вадим. – Так и думал, что вы не из «Зюйд-вест-нефтепродукта», а непременно должны иметь отношение к творчеству. У вас внешность... мм... богемно-романтическая. А вот если бы вы увидели мою сестру, вы никогда в жизни не догадались бы о ее профессии!

– А кстати, где наша очаровательная Иринушка? – с приторным выражением осведомилась Леонида. – Почему не обедает? Не заболела ли?

В ее голосе прозвучала такая откровенная надежда, что Алена едва не подавилась смешком в смеси с мелко нашинкованной капустой из салата. Интересно, сестра-то Вадима чем Леониде не угодила? Уж к ней-то ревновать смысла явно нет. Или это просто неприязнь расплывшейся квашни к молодой изящной красавице? А в том, что у обворожительного Вадима сестра должна быть столь же обворожительной и изящной, сомнений у Алены не было.

Кстати, очень трогательные отношения между братом и сестрой. В разгар лета приезжают отдыхать в какую-то глушь деревенскую, вместо того чтобы проводить время в роскошных кипрских, хорватских или турецких отелях... Может быть, в средствах стеснены, да мало ли какие еще могут быть обстоятельства!

– Нет, Иринка вполне здорова, – покачал головой Вадим. – Нырjala сегодня с горки в бассейне, как русалка какая-нибудь. Никак уходить не хотела, я потому и к обеду опоздал. А она в город уехала. Прямо сразу после бассейна и уехала, что-то там в фирме у них...

– Но к вечеру-то она вернется? – все с той же приторно-сладкой заботливостью осведомилась Леонида. – Ведь без нее и банкет не банкет будет!

Эта Иринка что – местный массовик-затейник, удивилась Алена, если без нее банкет не банкет? Или она просто из тех, кого называют душой компании, кто способен развеселить любых, даже самых скучных и неинтересных друг другу людей? Бывают на свете такие записные весельчаки, к их числу принадлежала, например, Жанна...

Собственно, принадлежит, с чего вдруг Алена о ней в прошедшем времени заговорила? Это ведь лишь в ее жизни Жанна перешла в разряд плюсквамперфекта, но в реальности она веселит сейчас разноплеменных отдыхающих на побережье между Анталей и Аланьей, а заодно и сама веселится, причем не одна, а в компании со своим молодым,

очаровательным любовником по имени...

– Конечно, Иринка вернется к ужину, – словно сквозь пелену, долетел до Алены голос Вадима. – Иначе Николай Васильевич банкет просто отменит. А это будет очень жаль, ведь деньги такие вбуханы, что нам и не снилось.

– Как же это мило, когда мужчина ради красивой девушки готов на любые жертвы! – Голос Леониды просто-таки дрожал от умиления, а может, от чего-то другого. – Как трогательно! Печально, если такие старания останутся безответны. А как вы думаете, Вадим, Иринушка господину Холстину отвечает взаимностью?

– Ну, чувства моей сестры – это чувства моей сестры. Я в них не вмешиваюсь, никаких советов ей не даю и давать не собираюсь, – пожал плечами Вадим. – Я в данной непростой ситуации просто исполняю роль дуэньи при незамужней девице, это же понятно. Mamочка уж очень беспокоится за Иринушку – чтобы ее сердечко не разбилось да чтобы она глупостей не наделала. Вот я и стою на страже, благо время позволяет...

Леонида резко отвернулась – якобы пытаюсь поймать соскользнувшую с ее колен салфетку, однако Алена успела заметить выражение откровенной ненависти, исказившее ее лицо.

Неужели толстуху так огорчило упоминание Вадимом своей матери? Почему? А, ну да, сама Алена тоже напрягалась, когда Игорь начинал говорить о своей обожаемой ма-

мочке! И из ревности, и потому, что по возрасту-то они... Ладно, замнем для ясности.

Да, жаль, что нынче вечером Алена будет чужой на празднике жизни, который устраивает неведомый господин Холстин. Дело, разумеется, не в том невероятном количестве вкусненьких салатиков, которые готовятся, а исключительно в психологических открытиях, которые можно было бы на вечеринке совершить. Глядишь, наша писательница разжигалась бы заодно и каким-нибудь матерьяльчиком для очередного своего романчика... Но что толку мечтать о несбыточном!

– Кстати, Алена, а вы привезли сюда какое-нибудь нарядное платье? Вечернее или платье-коктейль? – осведомился вдруг Вадим.

Ого, какие термины! Видимо, поднаторел в общении с красоткой-сестрой. Наверное, она все же не малолетка, а ведет довольно интенсивную светскую жизнь, если Вадиму известны такие тонкости, как разница между платьями вечерними и платьями-коктейль. Или он просто любит пролистывать всякие гламурные дамские журналы, как любил это делать Игорь, устыжая порой своими познаниями Алену, которая журналов такого рода в руки не брала за неимением времени для столь пустячных занятий?

Постой, постой... А чего вдруг, интересно знать, Вадим задает ей такой, можно сказать, интимный вопрос?

– А почему вы спрашиваете?

– Ну неужели так трудно догадаться? – ответил он, играя глазами. – Потому что хочу пригласить вас на этот знаменитый банкет. Должен же и я получать какие-то радости от жизни, а не только обеспечивать их моей сестрице!

Вот так так... И какая же неведомая сила заставила Алену бросить в чемодан вместе с шортиками-футболками-джинсиками-кроссовками новое платье в черно-белых цветах? И вдобавок не забыть о белых босоножках на высоком каблуке, а также о черно-белых, нарочно к этому платью купленных серьгах?

Игорю платье и серьги понравились, а босоножки он не оценил, потому что на этих каблуках Алена была явно выше его. Он же совершенно не терпел, когда женщина хоть в чем-то превосходила его – как физически, так и морально. Какое счастье, что Вадим довольно высок! Метр восемьдесят, не меньше. Сто семьдесят два сантиметра Алениного роста плюс восемь сантиметров каблуков – как раз подходит!

Леонида Леонтьевна вдруг заерзала на стуле. Очевидно, чтобы его скрипом замаскировать скрип собственных зубов, когда Алена сообщила, что платье у нее имеется и она будет счастлива продемонстрировать его на банкете.

– Но времени до его начала еще вагон, – сказал обрадовавшийся Вадим. – Как насчет того, чтобы поплавать в здешнем бассейне? Классное местечко, очень рекомендую. Правда, на скорость там не разгонишься, он в длину метров пятнадцать и в ширину столько же, зато какая горка! И еще отличное

джакузи с подогревом и гидромассажем для любителей расслабиться. Истинный водяной рай. Что на горку, что в джакузи обычно очередь, но сейчас в бассейне явно никого нет, здешняя публика после обеда предпочитает жир наращивать в койках, так что будем вдвоем. Масса удовольствия, гарантирую!

Алена уставилась на молодого человека во все глаза. Или она ничего не понимает в жизни, или мальчонка недвусмысленно назначает ей любовное свидание. Глаза у него просто-таки горят синим пламенем, чистым бесовским огнем, и можно пари держать, что он намерен либо в джакузи с подогревом (для любителей расслабиться), либо прямо в бассейне залезть к ней под юбку... в смысле, под купальник.

Бесстыдство какое! За кого Вадим ее принимает, интересно? Почему после пары кокетливых взглядов он решил, будто новая знакомая уже готова на стремительный перепихон?! Он что, сексуальный маньяк, этот синеглазый красавчик? Или здесь вообще мода такая, в «Юбилейном»? Но ты ошибся, дорогой Вадим. Не на ту напал!

Не на ту? В самом деле? А не у Алены ли вдруг перехватило дыхание от мгновенно нарисовавшейся в воображении картинки? Влажные поцелуи, влажные жадные прикосновения, стремительное взаимное обладание – украдкой, с вороватыми взглядами по сторонам, не появится ли кто-то «третий лишний» в водяном раю, созданном для них двоих, припавших друг к другу лишь для того, чтобы тотчас отпрянуть,

чтобы получить мимолетное удовольствие – и разойтись... слиться, а потом, может быть, больше никогда не вспомнить друг о друге... А может быть, наоборот, продолжить начатое уже неторопливо, медлительно, протяжно и нескончаемо... до банкета днем, после банкета вечером, ночью, утром и следующим днем, пока не иссякнут силы, которых у Вадима, судя по его возрасту, виду и голодному блеску очей, немеренно. Да и Алена, честно говоря, барышня в сексуальном маршафоне не из последних!

Тогда почему бы и нет? Почему бы не пойти в бассейн с Вадимом? Она теперь совершенно свободна, и не только до пятницы, как поросенок Пятачок, а навсегда! На всю оставшуюся жизнь!

Кстати, русская пословица советует: клин клином вышибай...

Интересно, способен ли клин Вадима вышибить навязчивую тоску о клине Игоря?

– Я совершенно не понимаю, как можно даже подумать о том, чтобы хотя бы окунуться в ту самую воду, где буквально только что утонул человек! – раздался в этот момент голос Леонида Леонтьевны, подобный по внезапности звуку трубы архангела Гавриила, которой тот когда-нибудь – внезапно! – возвестит наступление конца света.

Из дневника убийцы

«В который – в тысячный, двухтысячный, двадцатимиллионный! – раз думаю о том, не ошиблась ли я в своих подозрениях. И снова убеждаюсь: нет, не ошиблась. По сути дела, Сергей сам утвердил меня в моих догадках. Разве не я говорила ему раньше, что они близки, как родственники? Такая дружба бывает редко, говорила я, друг может предать, и только родственники способны сплотиться, несмотря на любые разногласия. Потому что голос крови – это нечто особенное, это особенный зов, и даже какой-нибудь троюродный брат окажется надежнее в трудную минуту, чем друг. Он говорил, что я идеализирую родственные отношения, потому что я одна как перст. Какое счастье, что Сергей не рассказал им о наших разговорах. Когда я прочла его последнее письмо, мне сразу стало ясно, что не рассказал. И о том особом значении, которое я вкладываю в это слово...

Мне кажется поразительным, что они не обратили на него внимания. Как же они все предусмотрели! Как классно обставили! Но их подвела бравада и невнимание к деталям. Они, как та лягушка-путешественница, кричали: „Это мы! Это мы! Это мы придумали!“ Неужели они не догадались, что я съезжу туда, где принял смерть любимый мною человек? Неужели не догадались, что я огляжу там каждую травинку, каждую трещинку на той проклятой березе, и то, что

прошло мимо равнодушного взгляда чужих, наемных людей, не ускользнет от моего взгляда?

В самом деле – не ускользнуло».

* * *

«Ну а почему ты ждала чего-то другого? – уныло спросила себя Алена. – Ничего другого тут просто быть не могло – по определению!»

Последнее время ей очень нравилось это выражение – по определению, – и она норовила вернуть его к месту и не к месту. В данной ситуации оно было однозначно к месту. Разве мог получиться иным банкет в провинциальном пансионате, пусть даже принадлежащем продвинутой и богатой компании нефтеторговцев? Салатиков, это правда, на столах оказалось не счесть, но ведь все их не съешь, да и не для салатиков пришла сюда Алена. И не ради того, чтобы пить «Советское шампанское», немецкое пиво или красное французское вино, в невероятных количествах выставленное на столы! Она пришла сюда ради общения, ради того, чтобы людей посмотреть и себя показать. Но так уж вышло, что ни на нее, ни ей смотреть было решительно некому и не на кого. Публика подобралась самая кошмарная: все какие-то низкорослые мужики с понурыми плечами, тройными подбородками и животами, перевешивающимися через ремешки летних брюк от «Хьюго Босса». Запах здорового нижегородско-

го пота смешивался с ароматом последней парижской фишки – горьким, душиноватым «Монтрезором».

Этот непристойно дорогой парфюм Алене очень нравился, когда она обоняла его в первом этаже «Галери Лафайет», однако здесь, в пансионатской столовке...

– Ради всего святого, опять «Монтрезор»! – не могла не пробормотать Алена, когда мимо нее проплыло очередное облако в штанах.

«Облако» взглянуло на нее диким взглядом, осведомилось:

– Чо? – и направилось к столу с выпивкой.

Но бочонка «Амонтильядо» там, конечно, не было, к тому же «облако» вряд ли про него слышало. Образованность, увы, в моде только среди производителей дорогих парфюмов! А здешнюю публику вполне устраивает караоке. Вон орут нестройным хором все подряд – от «Мороз, мороз» до «Ах ты, бедная овечка, а-а...». Какая, однако, это жуть – караоке в массовом народном исполнении!

Слинять отсюда, что ли?

Алена огляделась. Вадима все еще нет. Чего греха таить – именно ради него она так нафуфырилась нынче вечерком, именно с ним намеревалась общаться, именно из-за его отсутствия у нее такое отвратительное настроение. Нет, это свинство, конечно: делать девушке (условно говоря, конечно, но не будем сейчас спорить из-за терминов) такие авансы, так зазывать на вечеринку, а самому не явиться!

Впрочем, рано обижаться. Мало ли что его задержало! Он вроде упоминал, что должен помочь хозяину банкета. А ведь и самого хозяина тоже нет, до Алены уже не раз и не два долетели досадливые реплики: «Да где же Холстин? Какого трам-пам-пама нас сюда завез, а сам не появляется?»

Не было, судя по всему, и сестры Вадима. Вряд ли она пришла бы сюда без брата и без обожателя. Интересно будет посмотреть на эту очаровательницу. Может, и впрямь нечто? Прочие девицы производили впечатление поистине удручающее. Все, как одна, очень красивые, в меру худые (в отличие от кавалеров), отлично одетые (Аленино новенькое платьице выглядело по сравнению с их туалетами каким-то скромным пляжным халатиком, не более того), в потрясающих украшениях, с искусным макияжем, они были обворожительны... пока стояли молча. Стоило хоть какой-то открыть рот, как уши у чувствительной писательницы начинали вянуть.

«Где их насобирали, на какой помойке?» – с тоской размышляла Алена. Видимо, такая уж страна Россия, здесь даже в куче мусора можно откопать красавицу, при виде которой умрет Голливуд. Но помойную сущность свою она все равно скрыть не сможет, как бы ни старалась строить из себя леди.

– Слушай, твою мать... – доверительно обратилась к Алене одна из таких чаровниц с чистыми сапфировыми глазами и льняными волосами ниже талии. В руках она держа-

ла хрустальный (вернее, сделанный из того, что понималось под этим словом в пансионате «Юбилейный») бокал с шампанским (или с тем, что понимается под этим словом в России). – Ты не знаешь, где здесь уборная?

Несколько мгновений Алена тупо смотрела на девуцу, переваривая услышанное. Видимо, процесс этот несколько затянулся, потому что девушка покрутила у виска пальцем с блистательным ногтем и, чуть пошатываясь, сама отправилась искать нужное место. В ушах у нее нежно, словно извиняясь, звенели длиннющие перламутровые серьги, крошечное, облившее бесподобную фигуру платье фосфоресцировало и шелестело, словно смеялось над Аленой.

Писательница потрясенно смотрела вслед девуце. Нет, пора бежать, точно! А вдруг все это племя питекантропов знает друг друга наперечет, вдруг кто-нибудь из приятелей девушки спросит ее, кто она вообще такая и как сюда попала? И добавит, что вечеринка сия – исключительно для избранных, ешь твою мать... Вот стыдобища-то будет! Что, у Леониды просить подтверждения, что она не самозванка, что ее пригласили? Ведь Леонида – единственная знакомая Алены в этой компании!. Правда, знакомство она предпочитает не демонстрировать и держится так, словно в упор не видит соседку по столу. Нет, порой Алене все же удается перехватить взгляд толстухи. Поверх бокала то с красным вином, то с шампанским (жуткая смесь) Леонида смотрит на нее с таким же выражением, как сама Алена – на расфуфыренных

девиц. Но иногда, кроме откровенного отвращения, в глазах Леониды мелькает столь же откровенное злорадство. Наверное, до сих пор смакует удовольствие, которое испытала за обедом, разрушив купально-сексуальные планы Вадима и Алены.

Разрушила-таки, зараза!

Конечно, услышав о трупe в бассейне, Алена не смогла скрыть ужаса: как, еще один отдыхающий отдал Богу душу в пансионате «Юбилейный»?! Директор рассказывал только о том, который скончался в медпункте после посещения парной бани... Так здесь, оказывается, имели место два смертельных случая? Может быть, в пансионате вообще опасно для жизни находиться?!

– Да нет, умер на самом деле один человек, – буркнул Вадим, неприязненно косясь на Леониду. – Никаких двух покойников нет и не было. Всего один. Да, мужику стало дурно в парилке, его отволокли в медпункт, куда вызвали «Скорую» из райцентра, но было уже поздно. Откуда взялся слух, что у него приступ случился именно в бассейне, я не пойму. А впрочем, и парная, и бассейн расположены в одном здании, вход-выход там общий. Наверное, кто-то видел, как его выносили, бесчувственного, в полотенца завернутого, вот и начали болтать, мол, утонул он. Но ведь и милиция тут побывала, и следствие началось... Сколько я ни говорил с дирекцией, с ментами этими, все в один голос твердят: да, пе-

регрелся он, да, не следовало ему в парной столько времени сидеть с его-то сердцем и с его давлением. Однако довольно о печальном, дамы! Мы что-то здесь задержались, вон со столов уже убирают. Если вы пообедали, Алена, может быть, мы пойдем? – спросил Вадим, понизив голос и сопроводив вопрос таким взглядом, что у Алены просто-таки мурашки по коже пошли и коленки задрожали.

Да что же это делается, товарищи? Уж замуж ей невтерпеж? В смысле – в койку? Ну, девушка, держись!

Леонида Леонтьевна снова заерзала на стуле, да так, что Алена не без испуга покосилась на сей предмет столовской мебелировки: вот-вот ведь развалится, бедняга! На лицо толстухи она старалась не смотреть, потому что смотреть на него было просто жалко... Такие сцены – тяжелое испытание для любой женщины. Алене тоже, наверное, тошно было бы наблюдать, как понравившийся ей мужчина с животным нетерпением тащит в постель другую женщину. Ого, как она бесилась, когда Игорь начинал строить глазки Кристине, а та мгновенно вспыхивала в ответ...

Ой, пора уж забыть о Кристине, она была всего лишь ширмой, а беситься следовало из-за красотки Жанны. Теперь совершенно ясно почему. И ясно, кому всегда, во всем принадлежал Игорь. Но все судьбоносные открытия в своей жизни Алена совершала слишком поздно, вот и это запоздало, а теперь она осталась с разбитым сердцем и с внезапно проснувшимся острым нежеланием причинять боль другим людям,

даже столь неприятным, как «интеллигентная бухгалтерша» Леонида Леонтьевна.

Алена попыталась осторожно высвободить стиснутые Вадимом пальцы, но не смогла. Впрочем, Леонида не оценила порыва ее деликатности. Она вполне могла сама постоять за себя!

– Не в бассейне, говорите? А почему, интересно, Катюшу отправили в отпуск без содержания? – спросила она запальчиво, и по всему было видно, что вопрос ее принадлежит к числу так называемых риторических, то есть тех, которые ответа не предполагают или, наоборот, ответ на них заранее известен. – Причем в тот же день, как это случилось, и...

– Ну хватит уже, Леонида Леонтьевна! – нетерпеливо перебил Вадим. – Вы идете, Алена?

– Да, да минуточку, – пробормотала Алена уклончиво и повернулась к Леониде: – А кто такая Катюша?

При этом она опять попыталась высвободить пальцы, однако Вадим хихикнул и сжал их еще крепче.

– Катюша, – ядовито произнесла Леонида, хищным взором наблюдавшая за игрой их рук, – это регистратор в бассейне. По совместительству уборщица. Она и нашла Толикова.

– Кого? – глупо спросила Алена.

– Толиков – фамилия того человека, который перегрелся в парилке, – сердито сказал Вадим. – В парилке, а не в бассейне! Никто никого в бассейне не находил, и никаких тру-

пов с раскроенной головой там не плавало!

– Я ничего не говорила про раскроенную голову! – возмутилась Леонида Леонтьевна. – Ничего такого не было! Он просто захлебнулся и утонул!

– Господи, да что с вами сегодня? – почти в отчаянии воскликнул Вадим. – Зачем вы сплетни разводите? Глупости все это! Ведь милиция тут все проверяла и уж наверняка закрыла бы бассейн, случись там что. Неужели вы не понимаете? А закрыли именно парилку! Так что в бассейн можно идти без всяких предрассудков, я сам только что оттуда. Наплавался, как дельфин, и ничего!

– Закрыли бы бассейн? – с издевкой прервала его Леонида. – Как бы не так, закрыли бы его! В парилку можно бесплатно ходить, а бассейн двести рублей в час стоит. Зачем же его закрывать? Уж лучше парилку закрыть, а Катюшу в отпуск отправить!

– Сразу видно бухгалтера! – захохотал Вадим. – Ну, вы даете, Леонида Леонтьевна! А еще говорите, что вы подруга здешней администраторши. Да если бы Галина Ивановна узнала, какие порочащие, идущие вразрез с официальной точкой зрения слухи вы распространяете про пансионат, она бы просто ушам своим не поверила!

Леонида бурно покраснела. Похоже, такая мысль не приходила ей в голову, и сейчас она спохватилась, что ревность завела ее слишком далеко.

– А что я такого сказала? Про то, что Толикова в бассейне

нашли, говорит вся обслуга. Подумаешь! Мне-то какая разница, где он вообще умер: в парилке, в бассейне, в медпункте или даже в своем номере...

Судя по взгляду, брошенному в сторону Алены, наконец-то освободившей свою руку из пальцев Вадима, эта парфянская стрела была адресована именно ей. И стрела, видит Бог, достигла цели!

– Да... – пробормотала Алена, качая головой, – надо следовать первому импульсу, я всегда говорила...

– Конечно! – с энтузиазмом согласился Вадим. – У вас первый импульс был – пойти в бассейн. Ну так пошли прямо сейчас!

Леонида громко фыркнула.

– Да нет, я не о том, – вздохнула Алена. – Мой первый импульс, когда я сюда приехала и кое о чем с Галиной Ивановой поговорила, был повернуться и убраться восвояси. А я поверила Колобку... то есть этому, как его, господину Юматову. Поверила, что несчастный отдыхающий умер все-таки в медпункте. А тут такие слухи... получается, ни в бассейн теперь не пойдешь, ни в парилку, ни в собственном номере нельзя почувствовать себя спокойно и в безопасности!

– Секундочку! – уставился на нее Вадим. – А при чем тут ваш собственный номер? Он-то какое имеет отношение к делу?

– Да самое прямое! – обреченно вздохнула Алена. – Самое непосредственное, поскольку живу я в люксе-2. Эта цифра

вам о чем-нибудь говорит?

– Поня-атно, – протянул Вадим. – Номер Толикова... Но знаете, тут вам бояться совершенно нечего. Толиков умер где угодно, только не у вас, в смысле, не у себя. Потому что я помню жуткую суматоху, которая поднялась, когда потом, после его кончины, пытались проникнуть в его комнату. Он ключи то ли где-то потерял, то ли сунул куда, и дверь никак открыть не могли, потому что запасные ключи, которые у администратора хранятся, тоже куда-то кто-то затащил – то ли уборщица, то ли сантехник, то ли электрик, которые там накануне что-то ремонтировали. В общем, собрались уже ломать дверь, да, на счастье, вмешался тот мент, который живет в номере первом, – он позвонил в город, немедленно приехал какой-то хитрый лысоватый дяденька и универсальной отмычкой дверь открыл.

– Он что, ваш мент, медвежатника на помощь вызвал? – мрачно спросила Алена.

Мрачность ее объяснялась животрепещущим вопросом: а способна ли универсальная отмычка отмыкать магнитные защелки французской фирмы «Gardien», то есть «Сторож»?

– Да нет, почему медвежатника? – захохотал Вадим. – Ваш сосед сказал, что это его старый друг, владелец частного охранного агентства «Барс». Так что вроде бы фигура вполне благонадежная. А впрочем, сейчас-то он владелец охранного агентства, а какое у него боевое прошлое, сие никому не ведомо!

– Кстати, то же самое можно сказать и о моем соседе, – кивнула Алена. – Откуда вам известно, что он – тот, за кого себя выдает? Я имею в виду, что он мент. Может быть, у него тоже криминальное прошлое и ни одному его слову верить нельзя!

– Как у вас язык поворачивается злословить о незнакомом человеке? – раздался возмущенный голос Леониды. – Вы его в жизни не видели, а говорите такие гадости. Он скромный, порядочный, вежливый, он настоящий герой... Да о нем во всех газетах было...

И тут Леонида окончательно задохнулась от переполнивших ее эмоций.

Алена покосилась на соседку задумчиво. Конечно, газет она не читает, радио не слушает, телевизор не смотрит, это правда, зато иногда умудряется – как бы совершенно случайно! – оказаться в нужное время и в нужном месте. А оттого получает необыкновенно ценную информацию, которой потом распоряжается по своему усмотрению. Такой информацией относительно своего соседа по коттеджу она с сегодняшнего дня и обладает. Просто не хотелось разрушать запоздалые иллюзии восторженной клуши Леониды и открывать ей глаза на «скромность и порядочность» ее «настоящего героя». Перепуганная физиономия уборщицы, ее надетая шиворот-навыворот одежда, след мужской босой ноги перед дверью с цифрой «один»... Ага, просто-таки монашеская скромность! Но Алена лучше промолчит. Не ее это де-

ло – сбивать с чьего-то носа розовые очки: слишком уж болезненно прошло расставание со своими собственными.

– Прошу прощения, – пробормотала Алена, – вы совершенно правы. Я иногда слишком уж рублю сплеча. Я этого человека не знаю и судить о нем не имею никакого права. Еще раз извините.

В доказательство своей искренности она сложила ладони лодочкой и отвесила чуть ли не японский церемонный поклон.

Вадим хихикнул и тоже сложил ладони лодочкой. Правда, кланяться не стал. Леонида же только фыркнула возмущенно: видимо, сочла Аленино раскаяние издевкой.

– С вашего позволения, я пойду, – в том же японском стиле продолжала Алена. – Нет, Вадим, извините, я возвращаюсь в свой номер, а в бассейн я сейчас идти еще не готова. И я вас уверяю: разговоры о покойниках совсем тут ни при чем. Ну что вы, мне совершенно не страшно, не в том дело. Во-первых, я вам как опытная шейпингистка говорю: заниматься спортом сразу перед обедом или сразу после него – верный способ нарастить мышечную массу, а мне эта самая мышечная масса, так же как и лишний жир, совершенно ни к чему. Во-вторых, мне надо вещи разобрать, немножко отдохнуть перед вечеринкой – если вы, конечно, не отменяете своего приглашения на банкет.

– Да вы что?! – пламенно вскричал Вадим. – Приглашение остается в силе! Вы приходите, когда сможете, а я вас буду

ждать!

Да, именно так он и говорил. И что же? Алена пришла, но ее никто, оказывается, не ждет!

И вот она подпирает стенку, в то время как все приглашенные тусуются – кто вокруг злосчастливого караоке, кто перебирает ногами на танц-, извините за выражение, поле, кто не может отойти от столов, куда только что загрузили, в дополнение к салатикам и канапе, горы фруктов и какие-то огромные торты, а также пополнили батарею бутылок. И Алена скучает, скучает. И никому нет дела до того, как прелестно черно-белое платье облегает ее старательно сформированную неустанными занятиями шейпингом фигурку. А ей есть, есть чем гордиться! А самое главное, Алена буквально сама себя сделала: еще пять лет назад она была пышка пышкой. Не такой, конечно, квашней, как Леонида, но до пятидесятого размера докатывалась, а теперь стабильный сорок шестой, и порою удается и до сорок четвертого соскочить... особенно при интенсивной секс-диете. Никто здесь не любит ее ножками, и глазками, и красивым (да-да, красивым, Алена сто раз это слышала, вот и Вадим назвал же ее Еленой Прекрасной!) личиком. И вообще никому нет до нее совершенно никакого дела...

Все, пора уходить. Даже Леонида уже исчезла. Пора и Алене. Вернуться в свой номер, позвонить подруге Инне и пожаловаться на судьбу, потом открыть ноутбук, вызвать из

гиперпространства тот НЛО, с коего ей периодически передается тайная информация, которую она потом, как бы под диктовку, старательно переписывает и сдает в издательство «Глобус» под своим именем, вернее, под именем Алены Дмитриевой... Как там должен называться очередной диктант: «Игрушка для красавиц»? Вот именно, пора начать осуществлять страшную месть изменникам и предателям, а то Алена изрядно отвлеклась! Ну и зря! Ничего хорошего из этого не получилось. Стоишь, забытая судьбою и молодым новым поклонником...

А может, они оба, судьба и поклонник, просто захлопотались и не успели про нее вспомнить? Ну ладно, Алена даст им еще один шанс. А сама в это время сходит попудрить носик. Совсем как те леди из романов Голсуорси, которые так и спрашивают у своих джентльменов: «Где здесь можно попудрить нос?» А между тем это не более чем эвфемизм к вопросу: «Где здесь туалет?»

Алена обожает эвфемизмы, идиомы и всяческие фигуральные выражения, однако не раз попадала с ними впро�ак. Как-то раз, отправившись с одним поклонником своей неземной красоты в ресторан и по истечении некоторого времени спросив его, где, интересно, здесь можно попудрить носик, она получила простодушный ответ: «Да прямо вот здесь, за столом. Никто на тебя не смотрит, больно ты кому-то нужна!» Нечего и добавлять, что оскорбленная в лучших чувствах Алена немедленно покинула сего придурка и

более с ним никогда не встречалась. Несомненно, он принадлежал к тому многочисленному племени российского населения, которое предпочитает простые вопросы и прямые на них ответы. Вроде той девицы, которая недавно пыталась выяснить у Алены, где здесь... Нет, лучше об этом не вспоминать!

А в самом деле, где оно находится, то самое местечко, в котором можно при надобности попудрить носик и сделать прочие дамские делишки?

Оказалось, найти его легко и просто – благодаря картинке на дверях: равнобедренный треугольник, увенчанный окружностью. На соседней двери был помещен точно такой же треугольник, только вершиной вниз. Здесь, понятное дело, пудрили носики особы противоположного пола.

Алена вошла в туалет и обнаружила, что знакомая ей девица-красавица-матерщинница все еще здесь – но уже в компании двух таких же сногшибательных красоток. Одна из них стояла, повернувшись к подругам спиной и задрав платье, а подруги склонились к ее кругленькой и практически голой (узенькая полоска стрингов не в счет) попе. Эта ситуация – немножко в стиле скандального Обри Бердслея, не правда ли? – сначала шокировала Алену, однако при более внимательном взгляде прояснилась. Ох, каждый понимает вещи согласно своей испорченности! А девица-то, оказывается, просто-напросто демонстрировала подругам татуировку, которая у нее располагалась аккурат на пояснице. Изоб-

ражен там был – причем очень натуралистично и многоцветно! – осьминог, который обвивал своими щупальцами розовенькие ягодицы.

Милостивый Бог, чего только не увидишь на свете! И сколько страданий натерпелась бедная девочка ради того, чтобы изуродовать себя на веки вечные!

Однако подружки татуированной красотки, судя по их восклицаниям, были в восторге. Правда, выражали они его очень однообразно – с помощью нескольких сакраментальных слов, одно из которых и вовсе-то состояло из трех букв... Алена, сгорбившись от нового припадка мизантропии, проскользнула туда, где, собственно, и происходит процесс припудривания дамских носиков.

Когда она вышла, с разглядыванием осьминога было уже покончено, подружки поправляли макияж и всюю чесали языки.

– Так звал сюда, так звал... – жаловалась знакомая Алене девица. – А сам где? Может, и не приедет. А я сюда приперлась, как дура, на тачке, это же разорение одно – из Нижнего сюда на тачке переть. Хотела дать водиле, чтобы сэкономить, а он послал меня, сказал, что презервативов с собой нету. И у меня, как назло, не оказалось. Не пойму, как я могла их забыть?

– Презерватива нету? А ты б взяла за щеку, – посоветовала обладательница татуированной попы, точеная пикантная брюнетка, при виде которой обмерли бы от восторга ве-

ликие ценители именно такого типа женской красоты – парижане... к своему счастью, не знающие русского языка. – Подумаешь, большое дело!

– Ну, я предложила, а он сказал, что боится, его один раз укусили за член, и с тех пор он не хочет рисковать. Так что пришлось деньгами платить.

Поскольку все эти реплики перемежались обильными инвективными восклицаниями, наша чистоплюйка-героиня сторбилась еще сильнее и бочком проскользнула к раковине, намереваясь стремительно помыть руки и убраться отсюда как можно скорей. Однако прозвучавшее вдруг имя заставило ее несколько замедлить движения.

– А на Вадьку ты зря глаз положила, – проговорила третья подружка, тоже блондинка, с глазами олененка Бэмби. Одета она была в такое же символическое платье, как Алена «знакомая», фосфоресцирующее и шелестящее, только не голубое, а бледно-зеленое. – Это такое ботало! Спать с ним можно, а верить ему нельзя.

– А кому в наше время можно верить? – уныло спросила татуированная попа. – Ладно, хоть спать можно, хоть само собой стоит у него, а то за эти несчастные сто баксов маешься над какой-нибудь тряпочкой, маешься, а ее только трупное окоченение заставит затвердеть!

– Да, у Вадьки с этим делом все в порядке, – с авторитетным видом заявила блондинка номер два. – Стебарь, каких мало. Но он головкой думает, а не головой, поэтому нормаль-

ным девушкам надо держаться от него подальше. Тебе, Ленка, сколько? – повернулась она к Алениной «знакомой». – Двадцать уже?! Ну, знаешь! В таком возрасте пора перестать душой быть, пора о будущем подумать, о том, как серьезно мужчину найти. Удовольствие можно и от фаллоимитатора получить, а мужчина должен деньги давать. Черт с ним, с Вадькой, плюнь на него и не переживай. Здесь такие люди собрались! У дядьки, который эту тусовку устраивает, у Холстина, друзья только самые деловые. Ты оглядись, может, и подцепишь кого из администрации губернатора. Я своего Сашку на такой же тусовке в оборот взяла. Кстати, тогда же и Ирка Покровская заарканила Холстина. Конечно, такого бобра убить – не каждой дано, тут особый талант иметь нужно...

– А она когда по Покровке гуляла, эта Ирка? – напряженно свела бровки татуированная попа. – Давно, что ли? Почему-то я ее не знаю, а ведь вроде со всеми покровскими знакома: с Машкой, Танькой, Галкой, Наташкой... Нет там никакой Ирки!

– Конечно, нет! – расхохоталась блондинка номер два. – Она не потому Покровская, что на Покровке мужиков ловила. Это у нее фамилия такая. И она – ты сейчас умрешь, Ленка! – Вадькина старшая сестра. Мы с ними раньше в одном дворе жили, около Пятого угла, а потом наш дом снесли, мы на Автозавод переехали, а им удалось квартиру где-то в верхней части получить.

– Вот цирк, да, Надя? – захохотала Ленка. – То ты с Иркой в одном доме жила, а теперь со мной в одном доме живешь.

Что тут было такого смешного, Алена понять не смогла, но, видимо, другие девушки смогли, потому что они тоже расхохотались, громко и буйно, а потом блондинка номер два, которую, как выяснилось, звали Надей, продолжила:

– Я иногда встречала знакомых девок с нашего двора, так они говорили, что Ирка мед закончила, замуж вышла, потом развелась, на работу на хорошую устроилась – в какой-то салон косметический. Он вроде бы так и называется – «Красотка», как кино, где Джулия Робертс. Там молодых красоток из старых уродин делают. Вадька тоже вроде бы мединститут окончил, только я не слышала, чтобы из него какой-то толк вышел. По молодости лет он по богатым бабам шлялся да и мужиками не брезговал, потаскуха несчастная, бисексуал долбаный, а Ирка – она простая, конкретная и очень деловая девка. Она в своем салоне и так хорошо зарабатывала, а тут еще и Холстина подцепила. Вот это везуха! Правду говорят: деньги к деньгам. Теперь Вадька таскаться с кем попало перестал, строит из себя хорошего мальчика, сидит тут при сестричке, охраняет ее и бережет для Холстина. Конечно, он же сундук с деньгами, его упустить нельзя! Точно тебе говорю – Вадька его не упустит.

Вода из крана лилась и лилась, Алена замерла, забыв о ней, и слушала во все уши. Кто из литературных персонажей говорил, что, подслушивая, можно узнать немало для себя

интересного? Да кто бы ни говорил, никакая это не литературная, а самая что ни на есть расхожая житейская премудрость!

Значит, Ирина работает в салоне «Красотка»... Самое известное и дорогое (знатным писательницам не по карману) косметическое заведение в городе! Находится оно на Ошаре, в новых элитках, в одном здании с банком «Юпитер» и юридической консультацией. Обе фирмы принадлежат москвичам, однако «Красотка» вроде бы еще осталась во владении нижегородской бизнесвумен (или бизнесменши, как чаще говорят). По слухам, там и вправду из старого лица запросто сделают новое, в смысле – молодое. Директриса и хозяйка, а заодно и ведущий косметолог салона – высокомерная (куда там Алене Дмитриевой!), будто Снежная королева, и великовозрастная (Алене Дмитриевой до нее, к счастью, еще далеко!) дама, у которой, попади она даже под автомобиль, ни один мускул в лице не дрогнет, и не потому, что у нее нервы стальные, а потому, что все лицо испещрено инъекциями ботокса. Этот самый ботокс она пропагандирует в своих многочисленных интервью по ТВ, в газетах, рекламных листовках и т. д. и т. п. Про Викторину Борисовну Донникову – так зовут Снежную королеву – ходят слухи, будто она жуткая стерва и мымра, три шкуры дерет с сотрудников, не дает им никакой передышки, штрафует за малейшие оплошности, а после третьего замечания со стороны клиентов увольняет по статье, но все равно, устроиться к

ней в салон – тьма желающих. Престижное место, хорошая зарплата, в салоне применяются все новейшие достижения, специалисты постоянно ездят на модные выставки и учатся на курсах не только в Москве, но даже в Берлине и Париже, а главное, клиент там настолько богатый, что отваливает щедрые чаевые «девушкам». Если Ирина Покровская работает у Донниковой, это говорит либо о ее высоком профессионализме, либо о редкостной уживчивости, либо об умении прогибаться – а вернее, о том, о другом и третьем сразу.

А может быть, Донникова опасается ее прижимать, зная, кто ее поклонник? Небось, пожалуись Ирина на свою начальницу, Холстин, раз он такой крутой, в отместку запросто перекупит или прикроет салон, и что тогда будет делать честолюбивая хозяйка «Красотки»?

Да, масса любопытной информации почерпнута нынче во время процесса припудривания носика. Какое счастье, что подружки Алену не замечают! Так увлеклись болтовней, что даже материться меньше стали. Или Алена к их манере ведения беседы просто успела привыкнуть? Вот так еще с полчаса попривыкаешь – и сама начнешь направо и налево «блины» печь!

– Красивые какие у тебя серьги, Ленка! – сменила тему Надя. – Умеешь ты найти такое, чтоб смотрелось лучше всяких брюликов. Мне Сашка подарил, вон, видите, висюльки из белого золота. Ну и кто знает, что это такое? Меня даже мать спросила: что, твой стебарь не мог тебе золотые купить,

какие-то железные носишь?

– Белое золото? – восхищенно простонала Ленка. – Ой, я бы не знаю что отдала, чтоб хоть один вечерок такие серьги поносить!

– Один вечерок? Да бери, жалко, что ли? Только потом не забудь отдать, а то из меня Сашка душу вынет и обратно не вернет, – усмехнулась Надя, и подружки быстро обменялись серьгами.

– Да что вы, девки, как школьницы, о какой-то ерунде! – возмутилась татуированная попа. – Тут такие дела, а они – серьги, серьги... Слушай, Надя, неужели эта Ирка так крепко держит Холстина? Меня-то сюда мой Павлик не просто так привез. Думаю, он хочет, чтобы я под Холстина легла. Этот поганый москвич к его сети магазинов подбирается, схавать хочет, как он уже много чего в Нижнем схавал. Нет, я, конечно, на серьезные отношения не рассчитываю, но мы думали, может, мне удастся его в койке умаслить, чтоб Павлика в покое оставил. Хотя бы на время, чтобы успеть деньги собрать и в другую фирму увести.

– Ты вокруг оглянись, – посоветовала многомудрая Надя, удовлетворенно озирая в зеркале мерцающее множество бузинок, струящееся из ее мочек до самых плеч. – Тут таких, как твой Павлик, половина зала, все Холстиным и его командой схаванных. И каждый с собой свою давалку привез, чтобы Холстина ею соблазнить. Но если бы он падал в койку со всеми бабами и девками, кто его домогается, у него член

стерся бы от частого употребления. Пустое дело, так своему Павлику и скажи. К тому же он в Ирку по-настоящему влюблен, без дураков. Поняла?

– Поняла... – кивнула приунывшая брюнетка. – Вот гадство, а мне Павлик свою «Хонду» обещал отдать, если я Холстина в постель затащу!

– Жмот твой Павлик, – авторитетно заявила Надя. – Такой, как Холстин, не побитой «Хонды» стоит, а «мерса» последней модели, прямо с конвейера. Но тут полный дохляк, я тебе точно говорю. Сашка сказал, что у Холстина насчет Ирки Покровской очень далеко идущие планы, вроде бы наши мужики сегодня чуть ли не на помолвку приглашены. Недаром здесь и Марина Ивановна тусуется, Иркина мамашка. Просто так она бы не приехала: наверняка Холстин будет публично предложение Ирке делать.

– Ой, девчонки, я понимаю – ваших мужиков пригласил Холстин, – нетерпеливо перебила ослепительная Лена, ставшая еще краше в обрамлении серег из белого золота. – Вы как бы при них. Но меня-то Вадька зачем сюда зазвал? А?

– Да низачем, – пожала плечами Надя, – просто так. Он же ботало. Бо-та-ло, я тебе русским языком говорю. Он ляпает, не думая, его вообще нельзя всерьез принимать. А может быть, – вдруг пожалела она приунывшую подружку, – может быть, еще не вечер. Может быть, у него сегодня не с кем перепихнуться, вот он тебя и пригласил на ночь. Ну и флаг тебе в руки! Только я тебя, Ленка, предупреждаю: у него манера

на жалость бить и не расплачиваться потом с девушками, а наоборот – еще и денежки у них в долг вытягивать. Не поддавайся на провокацию, поняла? Вадька сейчас не бедствует, так что деньги за такси ты себе точно вернешь, а если душой не будешь, то еще и заработаешь.

– Да ну его! – фыркнула Ленка. – Вот если бы Холстина удалось поймать, это да. А на Вадьку я даже время тратить не хочу. Вот трепло, а? Приезжай, говорит, Елена Прекрасная, не пожалеешь...

Тут Ленка вздрогнула, осеклась и уставилась на Алену. Другие девицы тоже вытаращились на нее не без испуга. Ну, наверное, испугаешься, если какая-то мышь черно-белая, которую они до сих пор практически не замечали, вдруг издала странный стон и ринулась вон из туалета.

– Что это с ней? – долетел до Алены удивленный голос Нади. – Обожглась, что ли? То мыла, мыла свои ручонки, а то вдруг взвыла и...

– Не обращайтесь внимания, девочки, – успокаивающе сказала Ленка. – Она сумасшедшая, я ее знаю.

Алена прижала руки ко рту. Она не взвыла, не застонала – она с трудом сдержала приступ хохота!

Елена Прекрасная, бог ты мой! Еще одна. До чего ж полезно иногда пойти попудрить носик... Ну, теперь-то уж точно пора покинуть сие благородное собрание. Счастливо оставаться, дорогая Ленка! Ты гораздо больше заслуживаешь титула прекраснейшей, чем твоя знакомая сумасшедшая, а по-

тому золотое яблоко по имени Вадик достанется тебе. И, как только что выразилась Надя, флаг тебе в руки!

Однако едва Алена сделала шаг к выходу, как по залу прошло оживление: музыка вдруг смолкла, все вскочили из-за столов и бросились к дверям:

– Приехали! Холстин! Все, это он! Холстин приехал! Вот он! Наконец-то! Ну, Николай Васильевич, мы тебя уже заждались! Штрафную, штрафную!

Отвечая короткими, сдержанными полуулыбками на преувеличенно радостные, фальшивые восклицания, в столовую вошел высокий, подтянутый мужчина лет пятидесяти, с темно-русыми, сильно тронутыми сединой волосами. Лицо у него было из тех, что привлечет внимание в любой толпе, – таким ощущением превосходства над людьми светился взгляд, такое спокойное достоинство выражали правильные черты все еще красивого лица. При этом сразу становилось понятно: перед вами вовсе не самодовольный болван, а человек, исполненный сознания собственной значимости – вполне заслуженного сознания! Такие лица бывают у людей, которые всеми своими благами обязаны только себе, никому более. Безочарованные, как правило, эти люди порою жестокие, даже очень жестокие, но крепко стоящие на земле и весьма привлекательные для женщин именно этой основательностью и непоколебимой уверенностью в себе. Любительнице вить из мужчины веревки или тасовать поклонников, подобно карточной колоде, рядом с ними делать нечего.

Но женщина, которая осознает, что Господь сотворил пра-матерь Еву всего лишь из ребра Адама, которая умеет сле-довать за супругом в кильватере и готова повторять: «Что муженек ни сделает, то и хорошо!», сможет быть счастли-ва рядом с таким человеком. Конечно, Алена к подобным овечкам не принадлежит, а все же при взгляде на Холстина она подумала, что тусоваться с молодыми красавцами вроде Игоря, Алекса (ее прежнего, ныне безжалостно покинутого любовника), Олега (давно и прочно забытой ошибки молодости) или хотя бы сегодняшнего знакомца Вадима приятно и прелестно, но ведь лишь до поры до времени, и пора эта уже приближается, и всякое время, как известно, имеет свой предел. И не следует ли ей всерьез задуматься: неужели вот так и хочется век вековать одной-одинешеньке? Нет, о том, чтобы соединить, как принято выражаться, с кем-то жизнь, а попросту – выйти замуж, Алене невыносимо даже поду-мать: как это – ломать себя, приспособливаться к какому-то постороннему человеку?! Но почему не найти себе солидно-го друга среди своих ровесников или даже гораздо старше, а если все-таки моложе, то не на пятнадцать-семнадцать, а то и двадцать лет (вот жуть, а?! Но уж такая она экстремаль-ная авантюристка, наша героиня!), а максимум лет на пять? Даже не отдавая себе ясного отчета, Алена иногда присмат-ривалась к мужчинам, попадающим в эту возрастную кате-горию, и внимательно разглядывала сейчас Холстина, пони-мая, что он-то подходит по всем статьям: и умен, и силен,

и интересен, и довольно-таки красив, и, что не последнее, богат... К тому же принадлежит к тем редким мужчинам и женщинам, которые так же, как сама Алена, нипочем не желают сдаваться возрасту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.